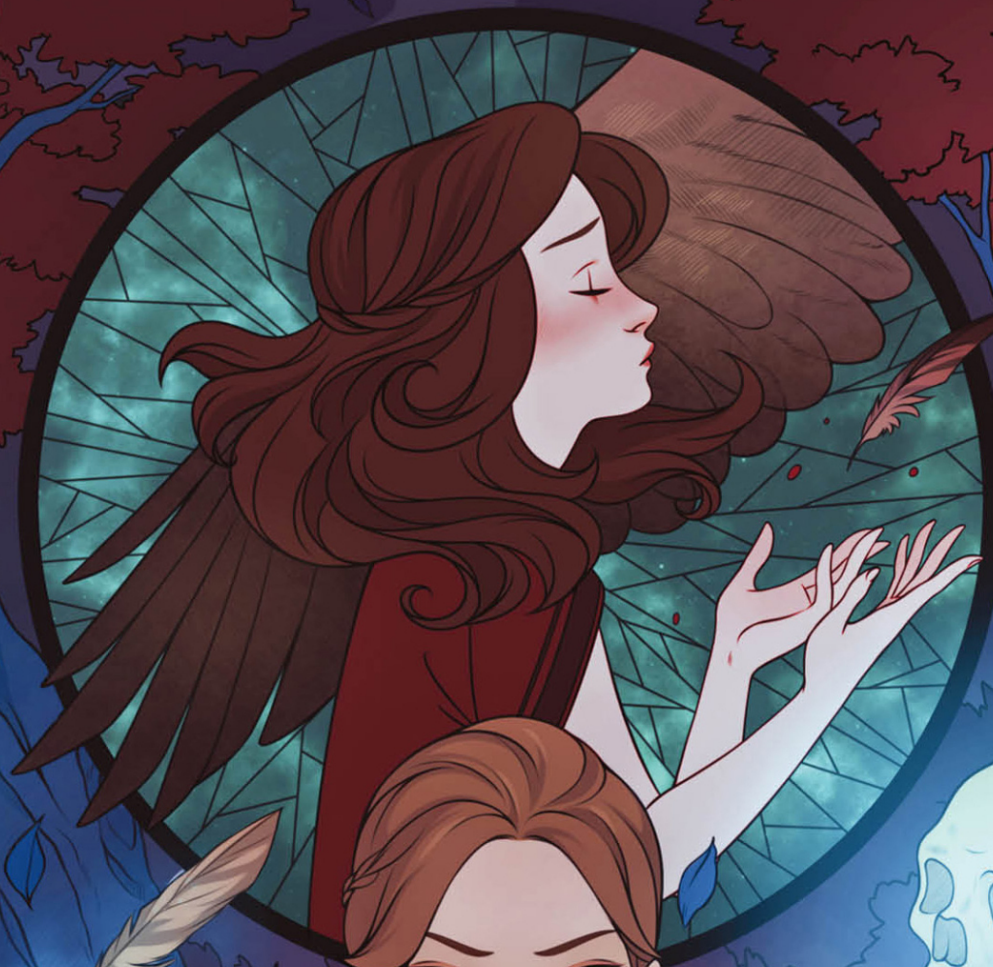

ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН

ТАМ,
ГДЕ
ЖИВЫЕ
НЕ
ХОДЯТ

ИДИ ЧЕРЕЗ ТЕМНЫЙ ЛЕС

Охотники за мирами

Джезебел Морган

Иди через темный лес

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морган Д.

Иди через темный лес / Д. Морган — «Эксмо»,
2021 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-112005-4

Когда ты найдешь у сестры соколиные перья, смирись — ее уже не спасти. Не пытайся ее защитить, не втыкай иглы и ножи в оконную раму — они все равно не помогут. А когда она исчезнет — шагни вслед за нею в Навь. Иди, иди же ей на помощь, иди через темный лес. И кто знает, что ты в нем найдешь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112005-4

© Морган Д., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1. Три соколиных перышка	6
2. Мертвая птица	10
3. Иглы на подоконнике	14
4. Не сходи с тропы	19
5. Не дурнее Иванов	26
6. Пять запретов	31
7. Болотная трава	36
8. Люди добрые, но недобрые	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джезебел Морган

Иди через темный лес

Посвящается всем, кто потерялся в темном лесу и идет на свет.

1. Три соколиных перышка

Утром я нашла на подоконнике три соколиных пера.

На белом пластике они смотрелись совершенно неуместно. Может, в деревенской избе, где под потолком сушатся пахучие травы, либо в охотничьей сторожке, пол которой устлан хвоей, стружкой да сухими листьями, соколиные перья не бросались бы в глаза. Но за тонким стеклом высились унылые многоэтажки и ветер пригибал дым, тянущийся с ТЭЦ.

Я точно помнила, что, когда я за полночь погасила настольную лампу, подоконник был чист.

Марья, моя младшая сестра, только просыпалась, нежась под одеялом и растягивая последние, самые сладкие пять минут. И когда только успела проташить перья мимо меня?

Я тряхнула ее за плечо:

– Эй, вставай!

Не обращая внимания на возмущенное хныканье, я вытащила сестру из-под одеяла и указала на перья:

– Твое? Сколько раз просила, убирай за собой мусор!

Марья сонно нахохлилась, переводя взгляд с подоконника на меня, и огрызнулась:

– Даже если мое, тебе-то какое дело?

– Хватит разбрасывать вещи. Либо убери, либо выбрось. Иначе выкину сама!

– Только попробуй, – прошипела она и, вывернувшись из моей хватки, демонстративно громко топая, ушла на кухню.

Я медленно выдохнула, унимая раздражение. Обязанности по уборке уже давно повисли на мне камнем, и видеть подобное неуважение к собственному труду... мягко говоря, надоело. В этот раз я решила не потакать капризам Марьи и выбросить перья, даже протянула к ним руку, но что-то меня остановило.

Где Марья могла раздобыть перья дикой птицы? Я ни секунды не сомневалась, что она не ободрала несчастную галку или сороку: раз увидев, перья сокола уже ни с чем не спутаешь. Огромные, серо-черные, они приковывали внимание и не давали отвести от себя взгляд. Откуда им взяться в нашем районе, застроенном домами настолько плотно, что даже сухие листья лишь изредка залетают во двор вместе с порывами пронизывающего ветра? Кто дал их сестре? Спросить бы ее – но не ответит, я для нее не авторитет. А мать... мать уже давно вспоминает о нашем существовании, только когда мы сталкиваемся на кухне.

Пронзительно тренькнул будильник – пора выпроваживать младшую в школу и бежать в университет. Резко, пока не успела передумать, я сгрэбла перья и, скомкав их и сломав, отнесла в прихожую. Выброшу по дороге на остановку, вместе с остальным мусором.

* * *

После пар мне необходимо было успевать в офис, строго до пяти часов. Никакие объяснения про семинары, подготовку к сессии, пробку в центре города, в конце-то концов, не могли тронуть черствое сердце моей начальницы. Я подрабатывала вечерним секретарем: разгребала бумажные экскременты дневной жизнедеятельности офиса, сканировала многостраничные договоры, раскладывала документы по папкам. Эти авгиевы конюшни я прибирала до девяти вечера, пока не закрывался бизнес-центр, а потом бежала на остановку, подгоняемая страхом упустить последнюю маршрутку в наш спальный район.

Вот и сегодня я едва на нее успела. Уже в салоне, устроившись у запотевшего окна, проверила пропущенные вызовы на телефоне. Звонили мне редко – контакты с одноклассниками

я свела к минимуму, семья обо мне вспоминала, только когда нужно было оплатить коммунальные услуги. Но я всегда отключала звук на время работы, чтобы ничто не отвлекало от сомнамбулического переключивания бумаг.

Но сегодня пропущенных было пять, и все от Марьи. Пока шли гудки, я нервно барабанила пальцами по спинке сиденья, даже боясь представить, что могло случиться с сестрой.

Через десять секунд длинные гудки сменились короткими.

Я с раздражением уставилась на погасший экран. Скорее всего, сестра снова психует из-за каких-то пустяков, и ничего серьезного не произошло, но все равно всю дорогу до дома я нервно покусывала губы.

Марья валялась на незастеленной кровати, даже не переодевшись после школы. Как только я вошла, она бросила на меня сердитый взгляд и уставилась в книгу, старательно меня игнорируя. Когда уже закончится у нее переходный возраст? Ее выкрутасы с каждым днем все сильнее и сильнее выводили меня из равновесия.

– Ты звонила, – миролюбиво произнесла я, переодеваясь в домашнее. Марья недовольно процедила, даже не удостоив меня взглядом:

– Я принесла новые перья. И только попробуй их выбросить!

Сдержав разгорающееся раздражение, я медленно подошла к окну, до последнего не желая смотреть на подоконник.

Три соколиных пера лежали у самых оконных створок, словно никуда я их и не выбрасывала.

– Марья, – как можно спокойнее сказала я, – пойми, я не против твоих увлечений. Я всего лишь прошу, чтобы ты не разбрасывала свой мусор по всей комнате. Просто убери их.

Сестра даже глаз на меня не скосила и демонстративно перевернула страницу. Я вспыхнула и вырвала книгу у нее из рук.

– Слушай, избавь меня от своих капризов. Мне приходится учиться и работать, чтобы тебе было что есть и в чем в школу ходить. Я веду хозяйство. Одна, даже о помощи не прошу. Так прислушайся же хоть раз к моей просьбе!

Марья не выдержала и, вскочив, заорала в ответ:

– Вот не надо мне тыкать тем, что ты меня кормишь! Я из-за этого по стеночке ходить не буду только для того, чтоб вашей светлости не мешать! Я тебе не оплаченная прислуга, чтоб все по твоему желанию делать!

Ее вспышка злости почти отрезвила меня. Я попыталась успокоиться, но накопившееся раздражение рвалось наружу.

– Нет, ты просто иждивенка, не имеющая права голоса! Хочешь, чтобы к твоему мнению тоже прислушивались – так докажи, что заслуживаешь этого.

Марья яростно прищурилась.

– Я не обязана что-то тебе доказывать! И не командуй мной!

– Просто убери их с подоконника, – снова предложила я, не желая продолжения бессмысленного спора.

– Вот еще!

– Тогда я их выкину.

Марья только гаденько улыбнулась.

Я пожала плечами и, прежде чем сестра успела опомниться, распахнула окно и вышвырнула перья в темноту. В комнату ворвался пронизывающий порыв ветра, принесший холод и стылый запах мокрой улицы.

– Сука! – взвела Марья и в ярости унеслась на кухню.

Я устало прислонилась лбом к холодному стеклу. Десять, девять, восемь... окно запотело от дыхания. Накатила опустошающая усталость, и собственные действия уже не казались мне

правильными. Раздражение и на Марью, и на себя ворочалось внутри, неприятно сдавливало нутро.

Сестра игнорировала меня до поздней ночи. Сидела без света на кухне, боясь привлечь внимание матери. Я часто ругала и отчитывала ее, но любя, – мать же могла запросто накинуться с кулаками за включенный на кухне свет в неурочный час.

Хочет обижаться – пусть. Я спокойно досчитала свою лабораторную работу и взялась за работы наших «денежных дубов» – то ли тупых, то ли ленивых одноклассников, готовых платить за то, чтобы кто-то делал задания вместо них. Платили, конечно, мало: клубы и бары – увлечения не из дешевых, но даже такие деньги меня устраивали.

Когда я обессиленно откинулась на спинку стула, на часах уже было два ночи. Количество сделанных работ едва перевалило за половину, и оставшиеся не вызывали ничего, кроме отчаяния пополам с отвращением. Стоило подумать о дальнейшей работе, как сразу же разболелись запястья и кончики пальцев. Конечно, можно было бы пожертвовать сном и доделать все сегодня, но Марья, эта упрямая дурында, так и будет сидеть на кухне, пока я не усну! Мне то к такому ритму не привыкать, но младшая не выдержит и свалится в школе.

Я с усилием помассировала уставшие глаза. В конце дня кажется, что, сколько бы проблем я ни решила, их становится все больше и больше, они громоздятся друг на друга, сливаются в одну, отвратительную и иррационально-уродливую, неподъемную, как сизифов камень. В такие ночи я сижу над чужими курсовыми до рассвета или лихорадочно ищу варианты новой подработки. Перед глазами стоит бесконечный список моих «должна»: должна платить за квартиру, лечить мать, поддерживать сестру, оплатить ей университет, кормить ее, заботиться о ней...

И ничего не должна – себе.

Я заставила себя педантично навести абсолютный порядок на столе, прежде чем потушить свет настольной лампы и лечь в кровать. Через несколько минут послышались медленные осторожные шаги – сестра крадучись возвращалась в комнату. Замерла над моей кроватью, словно едва удерживаясь от плевка в лицо, быстро переоделась и закопалась под одеяло.

Даже дневные обиды не могли нарушить ее сон. Я лежала с закрытыми глазами и слушала дыхание сестры, шорохи и скрипы спящего дома, приглушенный шум улицы. Мрачные мысли теснились в голове, заставляя раз за разом переживать ссору, искать новые аргументы, по-другому строить диалог, до бесконечности спорить с воображаемой Марьей. Но стоило решить, что снова пролежу без сна до рассвета, как я провалилась в болезненную лихорадочную дрему.

Завернувшись в одеяло, я все равно тряслась от пронизывающего холода, словно пытаюсь спрятаться от голодного, льдом обжигающего взгляда. Чье-то злое присутствие ощущалось, как огромная угловатая тень, упавшая на постель. Даже дышать было страшно, быстрый стук сердца казался оглушительно громким. Дрема верно переходила в глубокий кошмар, и я усилием воли заставляла себя проснуться.

Рывком сев на кровати, я отдышалась и утерла испарину со лба. Комнату освещали только электронные часы – 3:19. Меня еще потряхивало от озноба, хотя было душно, пижама впитала пот и неприятно липла к телу. Расставшись с надеждой выспаться, я покосилась на кровать Марьи – она спала, раскинувшись звездой, и одеяло почти сползло с нее на пол. «Замерзнет», – промелькнула в сонном сознании мысль, и я, верная своему долгу, встала ее укрыть.

Уже разглаживая складки на одеяле, я услышала тихое постукивание, будто узловатая ветка, как усохший палец ведьмы, требовательно барабанит по стеклу. Оборачиваться не хотелось. Ну какие ветки, до ближайшего дерева пятнадцать минут быстрым шагом!

Не поднимая глаз, я быстро нырнула под одеяло, чувствуя подступающий липкий страх. Стараясь себя убедить, что это всего лишь продолжение сна, уставилась в стену. Здравый смысл подсказывал, что стоит взглянуть в окно, убедиться, что нет там ничего, но никакая сила сейчас не заставила бы меня к нему повернуться.

В этом болезненно напряженном состоянии каждый звук, каждый шорох звучал громче и отчетливее. Стук сменился въедливым шелестом, словно огромная птица расправляла крылья. Клацнули по внешнему подоконнику когти. Снова раздался стук – нарастающий, требовательный.

Марья вздохнула во сне и заворочалась. Одеяло вновь начало сползать на пол.

Я и не думала поворачиваться к окну. Тех нервов, что у меня остались, не хватит, чтобы смотреть в глаза своим ночным кошмарам. Я вжималась в подушку, до побелевших костяшек хватаясь за одеяло, ждала, когда наваждение сгинет, и, наконец, дождалась – за окном метнулась тень, и ощущение изучающего взгляда исчезло. В комнате немного посветлело, словно серебряная монетка полной луны вынырнула сквозь прореху на брюхе туч и заглянула в наше окно.

Не хочу знать, что это было. Просто не хочу знать.

* * *

Утром на подоконнике снова лежали перья. Точь-в-точь такие же, как и вчера, словно никто их и не выбрасывал. Могу поклясться, что они лежали даже на том же месте, будто бы к ним и не прикасались со вчерашнего утра. Я заставила себя не думать, откуда они взялись.

Марья убежала в школу молча, едва успев проглотить бутерброд на завтрак. Я же все еще сидела в комнате и, не отрывая взгляда, смотрела на перья. С ними что-то было не так... слишком «не так» даже для перьев, появляющихся за закрытым окном.

Тренькнул последний будильник, напоминающий, что еще чуть-чуть, и я вообще никуда не успею. Стараясь не поворачиваться к окну спиной, я подхватила сумку и вышла из комнаты, плотно закрыв дверь.

Только на улице, ежась под порывами промозглого ветра, я запоздало поняла, что же меня так нервировало.

Запах.

От перьев едва уловимо тянуло сладковатым запахом мертвечины.

2. Мертвая птица

Весь день на периферии зрения мерещились огромные птицы, но стоило резко повернуться – и они пропадали. Естественно, сосредоточиться хоть на чем-то, кроме ночных страхов, не удавалось. В перерыве между лекциями я выпила две чашки кофе и попыталась внушить себе, что во всем виноваты усталость и мнительность.

Не помогло.

По дороге на работу меня то и дело накрывала тень проносившейся в вышине птицы. Раньше я не обратила бы на это внимания: ну мало ли в центре города голубей и ворон, ну летят себе и летят – главное, чтоб сверху не гадили! Сейчас же я вздрагивала от любого крылатого силуэта.

Нужно попить валерьянки. Определенно.

Обычно я радовалась, когда кто-то из работников задерживался в офисе: было неуютно оставаться одной в пустом помещении, слушая тихое потрескивание ламп. Но сегодня мне хотелось покоя, хотелось спрятаться за банальными и привычными стопками документов и забыть обо всех кошмарах. И я едва сдерживала нетерпение, выпроваживая сисадмина, вдруг решившего задержаться.

– Солнышко, неужели ты так мне не рада? – притворно возмутился Паша, весело скаля зубы.

– Паша, – я говорила медленно и спокойно, как будто объясняла маленькому и капризному ребенку, что шоколадку ему не купят. – Ты видел, сколько мне нужно отсканировать? Между прочим, это не вся работа на сегодня. Не отнимай мое время, пожалуйста.

– О, как жестоко твое сердце, раз ты лишаешь меня единственной радости – любоваться твоим прекрасным и суровым ликом!

– Социальные сети и фотографии к твоим услугам. Любишься, сколько влезет.

Я решила игнорировать настырного коллегу и начала демонстративно сканировать многостраничный договор. Натужно загудел сканер.

– Неужели ты даже откажешь в свидании скромному рыцарю сервера и клавиатуры, который благородно скрывает от злой и страшной Крейсерши, что вместо работы ты в интернете сидишь? – коварно прищурившись, поинтересовался Паша, нависая над моим столом.

Я недоуменно уставилась на него поверх монитора. Крейсершей «нежно» и за глаза называли недавно назначенную главу отдела – она отличалась необъятными размерами и мерзевшим характером.

– О чем ты? Я здесь интернетом не пользуюсь – времени нет.

– А если я скажу, что пользуешься? Потому так мало и успеваешь, – ухмыльнулся Паша. – Как думаешь, кому наш Крейсер поверит?

У меня слов не нашлось, чтобы ответить на такую наглость, и я мстительно швырнула в него ручкой. Паша с хохотом увернулся и шмыгнул за дверь.

– Ну, ты подумай! – донесся из коридора его довольный голос. Я же осталась в некотором ошеломлении переваривать его заявление, машинально сканируя документы, страница за страницей.

Угроза была не такой уж и пустяковой. Крейсерша, казалось, ненавидела всех людей поголовно, особенно своих молодых коллег. Девочка-секретарь, работающая в первой половине дня, уже сбежала от такой начальницы-самодурки. Мне бежать было некуда, приходилось сжимать зубы и улыбаться, идеально выполняя работу, чтобы придрататься было не к чему.

Пашу же Крейсерша, наоборот, выделяла, с его-то разрядом мастера спорта по подлизыванию. Если он начнет стучать, начальница даже доказательств не потребует: «Ой, Пашенька, я же все равно ничего не смыслю в этой вашей навороченной технике!»

От мрачных мыслей я отвлеклась, только заметив, что сканирую договор по второму кругу. Выругавшись сквозь зубы, я придвинула к себе пачку счетов-фактур.

С каждой минутой все сильнее разгорались гнев и обида – нервное напряжение, сковавшее меня с утра, наконец, нашло выход. Цифры мелькали и расплывались перед глазами, я машинально вбивала данные о поставках, жалея себя и лелея злость на Пашу. В конце концов, меня начало потряхивать от едва сдерживаемой ярости, словно Крейсерша уже устроила мне разнос и отправила искать другую работу.

С отвращением оттолкнув от себя последний бланк, я ринулась в интернет, уверенная, что терять уже нечего. Я всего лишь хотела обновить резюме и уже сейчас подыскать себе новое место, но детская, беспомощная обида и желание поквитаться заставили вбить в поисковую строку другие слова.

Я ничего не могла сделать Паше, я никак не могла защититься от клеветы и шантажа – но болезненное чувство справедливости требовало сделать хоть что-то. На что опирается женщина, понимающая всю бездну своей слабости и незащитности? На что она надеется, желая причинить боль тому, кто вне досягаемости? Что вспоминает?

Сказки и суеверия, сплетни о приворогах и порчах, заговоры и ритуалы. Иногда мне кажется, что подлое мелочное ведовство у каждой женщины в крови.

Заговор на богатство, приворот, отсушка, порча... Я мельком просматривала страницы в браузере и сразу удаляла их из истории, не желая облегчать Паше работу. То ли интуиция, то ли здравый смысл подсказывали – это все не то: фальшь и наигранность ощущались в каждом слове. Я уже успела успокоиться и обозвать себя круглой дурой, когда наткнулась на небольшую статейку о магических свойствах бытовых предметов. Круги из соли, двенадцать ножей для превращения в волка, иглы, используемые и для проклятий, и для защиты от них – все это было настолько похоже на сказки, что вызывало раздражение и тоску по детству одновременно.

Я устало спрятала лицо в ладони. Вспышка злости прошла, и теперь мое желание проклясть Пашу казалось настолько глупым, что у меня щеки начали гореть от стыда. С усилием проведя по векам, я заставила себя успокоиться и завершить работу. И так потратила слишком много времени на какую-то чушь.

Ровно в девять вечера я вышла из здания бизнес-центра, но маршрутки на остановке не было. Первые пять минут я верила, что она опаздывает, через десять заподозрила, что она уже уехала, а через двадцать – была свято уверена в этом. Сегодня словно все обернулось против меня! На глаза снова навернулись слезы, а ладони похолодели от бессильной злобы. И что мне делать? Разве что бежать к проспекту, надеясь поймать хоть какую-то маршрутку в мой район.

Я решительно направилась к перекрестку, почти срываясь на бег, – скорее в попытке согреться, чем в надежде успеть на маршрутку. Я уже смирилась с необходимостью идти домой пешком: не в первый раз. Больше было жаль не себя, а времени, которое я могла бы потратить с большей пользой, чем шляясь по неосвещенным улицам. Маршрут мне предстоял не из приятных: сначала безлюдный проспект, где еще проносились редкие автомобили, затем мост, два квартала по набережной или наискось через парк и – наконец – по лабиринту спального района, среди многоэтажек-близнецов.

Может, Москва никогда не спит, но в нашем провинциальном городке после десяти часов ночи даже гопников не встретить. С наступлением непроглядной темноты, когда изломанные силуэты болезненных городских деревьев становятся подобны лесным монстрам, люди уступают город обитателям своих забытых страхов.

От гопников хотя бы убежать можно. А вот от собственных мыслей – нет.

На проспекте еще горели фонари, и тени голых деревьев казались хищными костлявыми лапами с длинными изломанными пальцами, готовыми сомкнуться вокруг моей тени. Под ногами чавкали бурые отсыревшие листья, лужи уже начали по краям обрастать хрупким чер-

ным ледком. Я непроизвольно замедлила шаг, пытаюсь продлить самую спокойную часть пути, но тут же отвесила себе мысленный подзатыльник – и так доберусь до дома к полуночи!

Через мост я почти бежала. Меня подгонял даже не ветер – осознание, что Марья дома одна. В памяти всплыл вчерашний ночной кошмар, и меня прошиб озноб. Предчувствие беды, нахлынувшее, словно волна, не желало меня покидать, и я бежала все быстрее и быстрее, пока по спине не заструился пот, хотя пальцы мои уже побелели от холода.

Не раздумывая, я бросилась через парк, желая срезать дорогу и выгадать лишние десять минут, заставив себя забыть, что мимо него даже в полдень стараются не ходить. Пока я бежала по узким неровным дорожкам, меня не покидало ощущение чьего-то пристального взгляда в спину. Пару раз я останавливалась и напряженно осматривалась, но темнота была абсолютно непроницаема для глаз. Зато все шорохи, днем совершенно неслышимые, сейчас звучали так отчетливо, что каждый раз я вздрагивала всем телом и вжимала голову в плечи. Я убеждала себя, что это всего лишь птицы молча слетают с ветвей.

Но только после вчерашнего кошмара это меня не успокаивало.

Когда в конце парка показались далекие огоньки окон жилых домов, я не выдержала и сорвалась на бег, оскальзываясь на влажной земле. Сразу же возникла уверенность, что меня преследуют, что монстр, который всю дорогу крался за мной, нагоняет огромными тяжелыми скачками, и его затхлое дыхание бьется в спину.

Я пробежала насквозь несколько дворов, прежде чем перейти на шаг и отдышаться. Мне удалось убедить себя, что никто за мной не гонится, но чувство, что я непоправимо опаздываю, никуда не исчезло. Я выдохнула и снова пустилась бежать мимо длинных безликих зданий. Время ускользало, и никакие рациональные объяснения не могли меня успокоить.

Ночь – вообще не время для рационального и логичного.

С головой уйдя в свои переживания, я напрочь забыла о коварной кочке возле самого дома. Вернее, я о ней вспомнила, конечно... но уже после того, как полетела на землю. С тихим стоном села на асфальте, брезгливо отряхивая руки. Правая лодыжка пульсировала болью – кажется, вывихнула.

Хотелось разрыдаться от несправедливости мира, выплакать все дневные обиды, всю накопившуюся усталость, но я загнала поглубже воющий всхлип и заставила себя отложить истерику. Не сидя же в грязи предаваться рефлексии?!

Я медленно поднялась, стараясь не опираться на травмированную ногу, и заковыляла к подъезду. Пребывая в мрачной уверенности, что лифт не работает, я все же нажала на кнопку вызова и была приятно удивлена, когда передо мной разъехались его дверцы. Еще приятнее я удивилась, когда спокойно доехала до своего этажа, даже нигде не застряв. Честно говоря, сегодня я уже была готова к любой беде.

Как можно тише отперев входную дверь, я просочилась в квартиру. Подвернутая нога предательски норовила подогнуться, но я заставила себя доползти до комнаты, понимая, что если упаду на пол, то просто не найду сил подняться.

Руки от холода совсем потеряли чувствительность, и мне не сразу удалось повернуть ручку двери. Петли предательски скрипнули, и я даже успела испугаться, что разбужу Марью, но...

Но Марья не спала. Она стояла, покачиваясь, в центре комнаты, с неестественно прямой осанкой и безвольно обвисшими руками. Я не видела ее лица, но почему-то была уверена, что глаза ее широко распахнуты, а зрачки такие огромные, что занимают всю радужку. Как лунатик, она заторможенно сделала шаг к окну. А за окном...

Ох!

Снаружи на карнизе сидела огромная птица, чуть ли не с десятилетнего ребенка размером. Редкие облезлые перья не скрывали тонкую пергаментную кожу, лопнувшую в нескольких

местах и обнажившую сероватые кости. Гноящиеся желтые бельма скрывали глаза. Черный клюв влажно блеснул, его загнутый острый кончик почти касался стекла.

Я не знаю, как эта тварь удерживалась на хлипком карнизе, прогибающемся даже под голубями. И как не оставляла следов от мощных когтей. Я уже не сомневалась, что именно этот монстр прилетал вчера ночью и следил за нашим сном.

Птица распахнула клюв в беззвучном крике, но Марья услышала. Она крупно вздрогнула всем телом и потянулась распахнуть окно. Протестующе вскрикнув, я метнулась к сестре и, обхватив поперек живота, оттащила подальше, чудом не дав ей дотянуться до створок окна. Боль в травмированной лодыжке отступила на второй план, а страх заглушил все остальные чувства.

Под пристальным взглядом птицы я волокла несопротивляющуюся сестру к двери, с трудом выдыхая воздух сквозь стиснутые зубы. До чего же она тяжелая! Разъелась на дармовых харчах, вот выгоню ее самостоятельно зарабатывать на хлеб, мигом похудеет! Неблагодарная лентяйка, костерила я в мыслях сестру, прижимая ее к себе все крепче и крепче. Понимала: стоит ее выпустить, и она снова с блаженной улыбкой поковыляет к окну, навстречу к птице и смерти.

Я старалась не поворачиваться к птице спиной, не спускала с нее напряженного взгляда. Казалось, стоит мне отвернуться, и она легко пролетит сквозь стекло, вцепится в безвольное тело Марьи и вырвет ее у меня из рук. Или сожрет тут же, при мне. Как бы ни злила меня Марья, ни выводила из себя, я никому, никому не позволю причинить ей вред! Ведь защищать ее – мой долг.

Ненавистное слово колоколом отозвалось внутри, и травмированная нога подвернулась. С гневным стоном я осела на пол, все еще сжимая сестру. До двери оставалось меньше метра! Вот только сил мне не хватит ни чтобы встать, ни чтобы вытащить Марью.

Во взгляде птицы смешались насмешка и торжество, словно мы обе уже оказались в ее когтях: охота увенчалась успехом, и началась игра еще интереснее – с жертвой. Ну, мышки, сможете ли проскользнуть между острых когтей? Как далеко убежите, прежде чем тяжелый клюв опустится сверху, дробя черепные кости?

Я сидела на холодном полу и тряслась от страха. Оглушительно громко тикали часы, но время не двигалось: даже пылинки в блеклых лучах уличных фонарей застыли посреди полета. Мой кошмарный сон ожил, и теперь его черный отчетливый силуэт казался реальнее меня самой. Но самым ужасным было не это.

Обмякшая Марья спокойно лежала на моих руках, словно спала. Только взгляд ее не отрывался от огромной птицы, и она улыбалась ей – улыбалась так, словно видела что-то невозможное прекрасное и желанное.

Я не знаю, сколько мы так просидели – под пристальным птичьим взглядом я не решилась пошевелить даже шеей, и тело, застывшее в напряженной, неудобной позе, намертво затекло. Я ощущала только мягкую ткань пижамы сестры под пальцами – я так сильно вцепилась в ее плечи, что утром на ее коже точно проступят синяки. Щеки холодили мерзкие слезы страха – неостановимые и мелкие.

Я пыталась прочитать «Отче Наш», но каждый раз сбивалась после «царствие Твое». Когда я с трудом вытаскивала слова молитвы из горла, птица издевательски наклоняла голову, словно прислушивалась: что ты там бормочешь, мышка? Даже я тебя не слышу, разве услышит твой бог?

Он не слышал, о да.

3. Иглы на подоконнике

Птица исчезла незадолго до рассвета: не улетела, не испарилась, а просто исчезла, словно все это время была не более чем галлюцинацией. Сомнамбулическое состояние Марьи сменилось крепким глубоким сном, и она обмякла на моих руках.

Меня колотил озноб. Я еще долго сидела на полу, не сводя с окна слезящиеся от напряжения глаза. Только когда первые солнечные лучи заглянули в комнату, я нашла в себе силы подняться. Ноги затекли без движения, в подвернутой лодыжке стреляло болью. Марья так и не проснулась, пока я с трудом, едва сдерживая стон, тащила ее на кровать. Спящая сестра стала на удивление серьезной: нахмутив брови и в ниточку сжав губы, она сосредоточенно смотрела сны. Надеюсь, обычные сны, а не кошмар про огромную мертвую птицу.

В том, что птица была не кошмаром, а кошмарной реальностью, я убедилась, взглянув на карниз снаружи. На металле остались глубокие царапины и вмятины, рядом темнели густые и вязкие капли. Я не сомневалась, что, если открою окно, мне в нос тут же ударит запах гнили и разложения.

Я решительно взялась за телефон. Сегодня пятница, могу сказать больно и открититься и от учебы, и от работы. Мне нужно время, чтобы защитить сестру от адской птицы, и я не собираюсь его терять.

После бессонной нервной ночи у меня в голове что-то щелкнуло, и сложился пазл из вчерашних статей про обереги, сказок и страшилок. Я понимала, что тварь, прилетавшая ночью, не существует в обыденном рациональном мире, просто потому что не может существовать. Она – порождение потустороннего мира, выбравшееся из сказок и страшных легенд, и бороться с ним следует методами из сказок.

Я развернулась и, прихрамывая, покинула комнату.

* * *

«...и тогда сестры воткнули в окно ей ножи острые и иглы железные, чтобы прилетел Финист да изранил крылья...»

Иглы острием вверх служат оберегом от незваных гостей.

Нечисть всегда отгоняли железом.

Я чувствовала себя круглой дурой, но, когда все рациональные средства бессильны, приходится прибегать к иррациональным.

До пробуждения Марьи я успела набрать по всей квартире иголок и гвоздей. Ножи брать не стала – вряд ли современная нержавейка будет так же эффективна против сказочной твари, как старое доброе холодное железо.

Пока я потрошила домашние запасы гвоздей и инструментов, об меня споткнулась мать, злобная, как бешеная собака. Она попыталась устроить очередной скандал с рукоприкладством, но наткнулась на мой взгляд, сдулась и убрела на кухню, к бутылке.

– Что ты делаешь? – враждебно спросила Марья из-за спины. Я как раз закончила соскабливать с внешнего подоконника бурые капли то ли крови, то ли гноя. От них действительно пахло, но не так сильно, как я боялась. – Да ты вообще психованная – окна осенью открывать! Холодно же!

– Холодно – оденься.

Бессонная ночь, измотавшая мне все нервы, притупила эмоции. Раньше я бы огрызнулась на сестру, рыкнула, чтобы она под руку не лезла, сейчас же просто отмахнулась, не отвлекаясь

от своего занятия. Мне нужно придумать, как прикрепить гвозди и иглы к пластиковому окну. Почему-то ничего, кроме изоленды, в голову не приходило.

Марья, кутаясь в одеяло, заглянула мне через плечо, некоторое время наблюдала за моими действиями, а потом спросила, не скрывая издевки и брезгливости:

– Ты что, с матерью пить начала?!

Я коротко оглянулась на нее, смерив равнодушным взглядом, и снова вернулась к гвоздям и иглам.

– Нет, – убежденно произнесла Марья, разглядев мои красные глаза и белое лицо. – Ты наркоманка. Я так и знала, что ты ненормальная агрессивная психичка!

И на этот выпад я не обратила внимания – плевать, что она говорит и что думает, главное, чтобы она была в безопасности. А в зеркале я действительно выглядела ужасно, так, что хотелось перекрестить отражение.

Марья уже унеслась в школу, а я все продолжала медленно и сосредоточенно крепить гвозди к окну. Надеюсь, изоленда и скотч их удержат, и они смогут отпугнуть мертвую птицу. Часть игл я решила прикрепить уже с внутренней стороны стеклопакета, на всякий случай. Последняя линия обороны, которая никого не спасет.

Днем я спала урывками, вздрагивая от каждого шороха, но это всего лишь мать бродила по дому. Наконец сквозь вязкую дрему я услышала, как хлопнула дверь – вернулась Марья. С трудом разлепив глаза, я механически взглянула на время – девятый час, Марья никогда так поздно не приходила. Видимо, хотела как можно дольше не появляться дома, где ее ждали алкоголичка-мать да свихнувшаяся сестра.

Я равнодушно следила, как Марья настороженно заглядывает в комнату, не решаясь войти.

– Заходи уже, не бойся, – вздохнула я. – Не покусая и даже ругать за позднее возвращение не буду.

– Попробовала бы ты ругать, – проворчала сестра, но зашла, таща рюкзак в опущенной руке и не сводя с меня подозрительного взгляда. Я только криво усмехнулась.

– С тобой сегодня ничего не случилось?

Марья остановилась посреди комнаты, взгляд стал совсем загнанный, как у маленького зверька под когтями совы.

– В каком смысле?

– В прямом. Все было как обычно? Ничего подозрительного не заметила?

– Да, – фыркнула Марья, немного расслабившись, – заметила!

Я напряглась. Почему-то я считала, что птица будет прилетать только по ночам и только к нам, совершенно выпустив из виду, что она могла охотиться за Марьей и днем по всему городу. Да даже если птица боится света, у нее все равно в распоряжении много времени: темнеет рано, а Марья любит шляться где-то допоздна.

– И что же?!

– Что сестра свихнулась, – грубо отрезала Марья и, бросив рюкзак на пол, плюхнулась на кровать и уткнулась в книгу.

Я только обессиленно закрыла глаза. Я обязана ее защитить, но, Господи, она же сама мне мешает!

Ночью я опять не сомкнула глаз: неотрывно смотрела в окно, с замиранием сердца ожидая, что на подоконник опустится огромный крылатый силуэт, просто проигнорировав мои усилия. Но все было спокойно. Марья посапывала, как сурок, снова невообразимо серьезная и погруженная в сновидения. За окном мелькали какие-то тени, но это вполне могли быть обычные ночные птицы, которых мое воображение превратило в мертвых чудовищ.

Когда на часах замигало 03:00, я заставила себя закрыть глаза и уснуть, понимая, что от всенощного бдения пользы не будет.

На удивление, кошмары мне не снились. Мне вообще ничего не снилось, словно я закрыла глаза и через мгновение их открыла, привлеченная шорохами у окна. Даже не успев испугаться, что снова прилетела тварь, я подскочила на кровати. В тусклом осеннем свете Марья пыталась отодрать от внутренней рамы иголки. Она сосредоточенно сопела и ничего не замечала.

– Оставь, – хриплым спросонья голосом велела я. Сестра вжала голову в плечи и резко обернулась, чуть ли не пряча ладони за спину. – Оставь, так надо.

– Ты просто рехнулась, – Марья, наконец, выпрямилась и скрестила руки на груди.

– Даже если так, – миролюбиво ответила я, – ты разве не простишь мне этот маленький каприз?

Меня наполняла эйфория от осознания того, что ночь прошла легко и спокойно и Марья, вот она, насупленная, злобенькая, стоит передо мной и привычно огрызается. За то, что все в порядке, что с ней ничего не случилось, что она жива и здорова, я готова была простить ей любое хамство.

Марья фыркнула и удалилась. Я достаточно хорошо знала сестру и понимала: попыток она не оставит. Рано или поздно она вытащит эти иглы, просто чтобы досадить мне. Если я хочу ее защитить, я кровь из носу должна что-то придумать за эти выходные.

Полная самых тяжелых предчувствий, я поплелась умываться. Из зеркала на меня взглянула изможденная бледная девица с воспаленными глазами. Да, такую немудрено за наркоманку принять. Интересно, как только от меня еще в университете сокурсники не шарахаются? В голове крутились обрывки мыслей, но уцепиться за них не получалось. Я ощущала только отупляющую усталость, и в ответ на необходимость что-то делать, о чем-то думать, в груди поднималось темной волной отчаянье. Хотелось свернуться в клубочек и скулить. Хотелось, чтобы меня обняли и пожалели.

Да мало ли что мне хотелось?

Собрав намокшие концы волос в хвост, я слепо толкнула дверь, выходя из ванной, и едва не зашибла стоящую у входной двери Марью. Сестра сжалась и злобно зыркнула на меня из-под упавших на лицо прядей.

– Собралась куда-то? – как можно мягче спросила я. Отпустить ее не хотелось – вдруг и в городе на нее сможет напасть птица?

– Не твое дело!

Я только устало покачала головой. Мне бы все ей объяснить, рассказать, какую жуткую сцену я увидела прошлой ночью, но... Не поверит. Даже выслушать не потрудится. Стоило мне представить, как я говорю об огромных птицах за окном, о ее сомнамбулизме, так у меня сразу немел язык и перехватывало дыхание, словно слова уже застряли рыбьей костью в горле. Я и так ощущала себя дурой, а снова ловить пренебрежительный и испуганный взгляд сестры не хотелось.

– У тебя конец четверти на носу, – напомнила я. – Может, лучше подготовиться к контрольным, чем... – я с трудом проглотила резкое «шляться неизвестно где», – гулять в плохую погоду?

– Тебе-то какое дело до моих оценок? Ты мне не мать!

Это был запрещенный прием, но Марья использовала его настолько часто, что он уже перестал действовать.

– Вот именно – я не наша мать, и я переживаю из-за твоих проблем. Я из кожи вон лезу, чтобы обеспечить тебе будущее. Может, хоть в этом ты мне поможешь?

Сестра набрала в грудь воздуха, словно готовясь к долгому спору, но потом выдохнула, как-то разом успокоившись, и начала расшнуровывать кроссовки.

Весь день я провела за ноутбуком, старательно разыскивая хоть какую-нибудь информацию. Читала форумы, блоги, статьи. Вот только реальных историй было мало, больше – мрач-

ных, но нестрашных выдумок. Складывалось впечатление, что о происходящей жути молчали. То ли старались не будить лихо, то ли считали, что если о чем-то молчать, то оно и исчезнет. Глупо.

Марья уже давно закончила симулировать подготовку к контрольным и теперь в наушниках смотрела сериал на такой громкости, что я слышала отголоски реплик персонажей.

В конце концов, я нашла пару интересных статей и просидела за ними до глубокой ночи, даже не заметив, как в комнате стемнело и единственным источником света остался мой монитор. Марья завалилась спать, с головой спрятавшись под одеяло. Я с нажимом помассировала веки, под которые словно раскаленного песка насыпали.

День оказался потрачен зря.

* * *

Ночью мне приснилось, как Марья неподвижно стоит у окна, блаженно глядя на небо. На лице у нее – все та же жуткая приклеенная улыбка и неподвижные стеклянные глаза.

Конечно же, мне это снилось. Иначе откуда я знаю, что сестра улыбалась?

* * *

Воскресенье началось с воплей. Я подскочила на кровати и бросилась на кухню, спросонья не сообразив, что кричала не Марья. Сама Марья топала за мною следом – инстинктивное любопытство оказалось сильнее ее нелюбви к матери.

Ничего удивительного не случилось – мать снова сломала руку и теперь сидела на полу и рыдала, жалея себя. От ее подвывающих всхлипов начала болеть голова, и я плеснула ей в лицо воды, чтоб она заткнулась. Хотя нестерпимо хотелось отвесить ей тяжелую оплеуху, какие любит раздавать она сама. Марья быстро потеряла интерес к происходящему и, дождавшись, когда я зафиксирую матери руку и уведу ее, спокойно уселась завтракать.

Все повторялось, как по сценарию. Раз-два в год мать умудрялась упасть на ровном месте и что-нибудь себе сломать, каждый раз превращая это во вселенскую катастрофу. С семнадцати лет я брала ее за шиворот и тащила в ближайший травмпункт. Раньше этим занимался отец.

В травмпункте мать уже узнавали и относились к ней со снисходительным пренебрежением. Даже старались принять побыстрее, наложить гипс и отправить восвояси, чтоб она не нервировала остальных непрерывными рыданиями. Но сегодня было неожиданно много пациентов, в коридоре резко пахло кровью и медикаментами, а на узеньких скамеечках сидели мрачные подростки с ожогами разной степени тяжести. Дохулиганились.

Знакомый врач поздоровался на ходу, сочувственно покивал на рассказ об очередном переломе и даже послал ассистента в кладовку, за стулом для матери. Ждать предстояло долго. Краем уха я прислушивалась к разговору обожженных пацанов – вернее, к тем обрывкам фраз, что пробивались через мамины всхлипы.

Время тянулось утомительно медленно, я физически ощущала, как оно уходит водой из рук, лишая меня возможности защитить сестру. Я тихо бесилась из-за этого, едва сдерживалась, чтобы не наорать на мать, так не вовремя сломавшую руку, на подростков, болтающих без умолку, на врачей, бегающих туда-сюда, но не обращающих на нас внимания. Пару раз даже возникало желание плюнуть на все и свалить домой, оставив мать одну (в конце концов, она взрослый самостоятельный человек!), но ответственность не позволяла.

Чем дальше двигались стрелки часов, тем сильнее на меня накатывал страх, словно я опять упускала что-то безумно важное и необходимое. Я пыталась убедить себя, что Марья дома и в безопасности, но не получалось.

Когда в кабинет позвали мать, я уже едва не приплясывала от нетерпения, проклиная все на свете. Хорошо хоть пацанов уже по домам отпустили, долечивать результаты их смелых экспериментов.

Домой я тащила мать практически за шкуру, постоянно срываясь на бег. Тупая боль в лодыжке только подстегивала, напоминая об ужасной ночи. Когда я увидела, как последний троллейбус в наш район пытается уйти у нас из-под носа, я чуть ли не зарычала и бросилась бегом его догонять. Мать, охая, семенила позади.

– Что ж вы так бедную женщину бегать заставляете? – попенял мне кондуктор на входе, но я одарила его таким бешеным взглядом, что он заткнулся и молча продал нам билеты. Я прикрыла глаза, отсчитывая минуты до возвращения домой.

Только вот бежали мы зря. Через пару сотен метров, даже не доехав до следующей остановки, троллейбус дернулся и остановился.

– Электричество отрубилось, – пояснил мне водитель, раздраженный не меньше меня. Он нервно шелкал пальцами. – Хотите, можете ждать, когда снова поедет, не хотите – идите пешком.

Я с трудом подавила разочарованный вздох. Одна я бы бросилась бежать домой, так меня тянули нехорошие предчувствия. Но мать демонстративно сидела и смотрела в окно, всем своим видом показывая, что с места не сдвинется. Трезвая и заплаканная, она была даже похожа на человека и вызывала жалость, а не омерзение. Мне оставалось только смириться и бессильно наблюдать, как темнеет небо за грязным окном.

Мы вернулись, когда на улице уже горели фонари и тепло и уютно светились окна домов. Я задрала голову, ища наши, но они были темными и безжизненными. На краю сознания промелькнула мысль, что я опоздала и непоправимое случилось, но я запретила себе об этом думать.

Квартира встретила нас холодом и тишиной. Мать, дождавшись, когда я ее разую, поплевалась на кухню за бутылкой, даже не пытаясь снять куртку. Я медленно, всячески оттягивая неприятный момент, прошла в нашу комнату.

В распахнутое окно задувал промозглый ветер, он же раскидал все мои бумаги по полу. Настольная лампа Марьи едва мигала, собираясь перегореть.

Иглы были вытащены и с внешнего, и с внутреннего подоконника.

Марья в комнате не было.

А на подоконнике снова лежали соколиные перья, на том же самом месте, словно приклеенные.

4. Не сходи с тропы

И в чувствах, и в мыслях было на удивление пусто, словно все эмоции выключило одним щелчком тумблера. Я тщательно осмотрела подоконник и, не найдя на нем никаких следов, спустилась с фонариком во двор – обшаривать асфальт под окнами.

Перед глазами так ясно стояло разбившееся тело Марьи, изломанное, почти черное от крови, что мне сложно было убедить себя, что это всего лишь игра воображения.

На земле не было ничего, даже следов. Не могу сказать, что меня это успокоило – неопределенность пугала сильнее, и в сознании жила уверенность, что с Марьей случилось нечто более страшное, чем смерть.

Я отказывалась в это верить. Говорила себе – она просто у друзей, все в порядке, ничего ненормального, сверхъестественного, жуткого. Просто я выгорела и устала, вот и чудится всякое. Надо просто лечь спать, дождаться утра, и все будет по-прежнему, все будет хорошо. Но заснуть не удалось – меня трясло от холода и страха за сестру, и стоило закрыть глаза, как сестра вставала передо мной: то сломанной куклой лежащая на земле, то стоящая в дверях комнаты с обескровленным лицом и выклеванными глазами.

Едва дождавшись утра, с первой маршруткой я понеслась в дежурную часть, писать заявление о пропаже. Сонный дежурный, лысый, с уныло висящими усами, выдал мне бланк, недовольно проворчав:

– Девушка, ну чего вы хотите, загуляла ваша сестра, самый возраст, любовь-морковь, то-се, – бормотал он, недовольно глядя, как множатся строки заявления, написанные убористым почерком. – Вот погуляет и вернется, а нам работой зазря, ищи потом, чем заявление закрывать...

– Вернется – приду и напишу заявление о закрытии дела, – отрезала я, протягивая бланк мужчине. – Регистрируйте, не тратьте зря мое и ваше время.

– Девушка, – вздохнул дежурный, – ну подождите хотя бы пару дней! Всем же геморроя меньше будет! И вообще, родители у вас есть? Пусть они и пишут заявление!

– Мать больна, – твердо произнесла я и с нажимом повторила: – Регистрируйте.

Дежурный смирился с необходимостью работать в это стылое утро и покорно занес заявление в журнал учета.

Я убеждала себя, что сделала все, что могла, но в глубине души крепла уверенность, что это бесполезно. Я должна была что-то делать, куда-то бежать, но слепая стояла на распутье. Безучастная реальность сменилась жуткими сказками, законов которых я не знала. Только и могла, что один за другим выполнять установленные ритуалы обыденного мира.

Проснуться.

Почистить зубы.

Подать заявление.

Я знала, что это не работает, но все равно продолжала. Как бы сестру ни искали, ее не найдут. Потому что ее нет в нашем мире. Даже в мыслях это звучало безумно, наивно и глупо, как попытка вцепиться в самообман и спрятаться от реальности. Иллюзии – спасение для слабаков. Но после визита мертвой птицы иллюзии и реальность слились воедино.

На автопилоте я отсидела пары и так же дошла до работы. Паша еще пытался пристать со своим шантажом, но, поймав мой помертвевший обессиленный взгляд, сдулся и уже сочувственно пытался выспросить, все ли у меня в порядке в семье. Мое молчание только убедило его в обратном. Уходил он подавленный, явно стыдясь своих едких насмешек.

Когда офис опустел и тишину заполнило лишь сухое потрескивание ламп, глаза начало жечь, как от перенапряжения. Я не выдержала и спрятала лицо в ладонях.

Что я здесь делаю? Зачем?! Марья исчезла, умерла, похищена мертвой птицей в ее мертвое царство, а я, как заводной механизм, продолжаю ходить на ненавистную работу, которая и нужна-то была, чтобы кормить и одевать сестру!

С ее исчезновением это потеряло смысл. С ее исчезновением вся моя жизнь потеряла смысл. Я так много сил отдавала заботе о Марье, пытаясь сделать ее жизнь безмятежной, что в итоге времени на саму Марью не оставалось.

Не выдержав, я разрыдалась от жалости к себе, безысходности, бессилия. Казалось, слезы размывали во мне что-то важное, необходимое, чтобы просыпаться каждый день, думать о сестре, заботиться о ней в ущерб себе. Я не знаю, что это было, как это называлось, но с каждой колючей слезинкой оно становилось меньше, пока не исчезло совсем.

Тыльной стороной ладони вытерев щеки, я выключила компьютер и вышла из офиса, понимая, что сюда уже никогда не вернусь. Каблуки стучали по паркету отчаянно громко, звук эхом отдавался в ушах. В голове было непривычно пусто, и эта пустота пугала. Хотелось заполнить ее чем угодно, чтобы исчезло мерзкое тянущее ощущение собственной ненужности и неприкаянности. В голове надоедливо вертелась мысль о маминой бутылке водки, к которой она прикладывалась по утрам, но следом накатывала волна омерзения и презрения к пьяницам.

Только другого способа забыться я не знала.

По дороге домой я так отчетливо представляла себе, как захожу в квартиру и, не разуваясь, иду на кухню, к маминой заначке, что на автопилоте прошла по коридору мимо кухни и сразу вошла в нашу (мою, теперь уже только мою) комнату.

Окно все еще было открыто, ветер трепал занавески, но вещи были на своих местах, в идеальном порядке, который я неустанно поддерживала. Только комната все равно казалась заброшенной и нежилой, покинутой много лет назад, забытой и остывшей. Я не чувствовала холода – так и оставалась в уличной одежде, погруженная в свои мысли, даже дверь не заперла. Очнувшись от раздумий, я не стала судорожно стягивать куртку и разуваться. Установившийся порядок жизни исчез, разбился на острые осколки, и цепляться за него было нестерпимо больно.

На подоконнике все так же лежали три серо-черных пера, вызов и насмешка мертвой птицы. Под моим взглядом они легонько шевельнулись и, словно подхваченные порывом сквозняка, вылетели в окно. Я смотрела, как перья крутятся, падая вниз, пока они не исчезли в поднимающихся сумерках, а затем встала на подоконник и, не успев подумать, шагнула за ними.

* * *

Чувства падения не было. В ушах свистнул ветер, перед глазами промелькнула черная пелена, такая густая, что я испугалась, что ослепла. А затем все исчезло.

Я лежала и смотрела на сереющее небо, затянутое тяжелыми тучами, похожими на грязную свалывшуюся вату. Острые сухие травинки неприятно кололи щеки. Я сморгнула и приподнялась на локтях, осматриваясь. Жесткая трава щекотала ладони, запах у нее был горький, от него першило в горле.

С легким недоумением я уставилась на перья, зажатые в руке. Последнее, что я помнила – как они исчезают в хмари надвигающегося вечера. Как я успела схватить их и когда? И куда я упала?

Сунув перья в карман, я с трудом поднялась на ноги и огляделась. Невысокие каблуки сапог проваливались в сухую, но мягкую и рыхлую землю. Под ногами змеилась блеклая, едва утоптанная тропка, прорезающая луг. Трава возле нее росла мелкая, кое-где виднелись белесые звездочки цветов. Через пару шагов от тропинки трава поднималась почти в человеческий рост,

на колючих стеблях покачивались пурпурные головки чертополоха, рядом тускло синели ягоды на колючих ветках терновника.

А дальше возвышались резные деревянные столбы, увенчанные небольшими домиками, похожими на кормушки для птиц. Вот только веяло от них такой жутью, что меня прошиб озноб и я поспешила отвести глаза. Сглотнув, уставилась под ноги, соображая, куда же идти. Сходить с тропы не хотелось – колючки растений меня не прельщали, да и приближаться к странным столбам казалось самоубийством.

Тропа тянулась от хмурого елового леса, мрачного и непроходимого даже издали, и убежала в поднимающийся туман, скрывающий другой край луга. Наверное, стоило пойти туда, поискать людей. Узнать, что это за место, черт возьми, и как я тут оказалась.

Разум судорожно пытался найти хоть какое-то рациональное объяснение происходящему, но сдался после нервного потрясения последних дней. «Потом разберусь», – отмахнулась я от мрачных мыслей и без раздумий зашагала прочь от леса, стараясь даже не коситься на странные столбы.

Я не успела пройти и десяти шагов, когда с неба раздался пронзительный отрывистый крик, и совсем рядом со мной по траве скользнула тень огромной птицы. В памяти сразу всплыли мощные загнутые когти, влажно блестящие то ли от гноя, то ли от чужой крови, и острый огромный клюв, способный легко разбить стекло и пробить череп.

Стремительно присев, я закрыла голову руками и, когда тень птицы исчезла в туманном мареве, – вскочила и бросилась к лесу со всех ног, с трепетом ожидая нового пронзительного крика. Теперь густой, зловеще темнеющий лес был моей надеждой на спасение – хотелось верить, что под его сенью птица меня не достанет.

Сердце стучало где-то в горле, дыхание вырывалось с хрипом и кашлем. Ноги все сильнее проваливались в землю, словно расступающуюся подо мной, и я боялась только одного – упасть и потерять драгоценные мгновения. С каждой секундой боль в лодыжке пульсировала все сильнее и сильнее, словно я ее подвернула не три дня, а три часа назад.

Птица пролетела надо мной еще несколько раз, мелькание ее тени только придавало сил, я жмурилась, но прибавляла скорость. Даже подумать не могла, что умею так быстро бегать! Где ж этот волшебный навык был в институте, на сдаче бесконечных нормативов?!

Добежав до первого деревца, невысокой и облезлой елочки, я схватилась за ствол и рухнула на колени, хрипло пытаясь отдышаться. Даже не восстановив дыхание, я с трудом встала и поковыляла вперед, глубже в лес, постоянно спотыкаясь о валежник и оглядываясь. Панический страх гнал меня дальше, позади так и чудились страшные когти, готовые впиться мне в плечи.

Остановилась я, только когда просвет за спиной почти исчез, превратившись в далекую светлую точку, а вокруг сгустилась вязкая и холодная темнота ночного леса. Я отдышалась, беспомощно оглядываясь и раздумывая, как же мне отсюда выбираться. Деревья теснились столь часто, что между ними едва можно было протиснуться, а густой и колючий подлесок цеплялся за одежду. Я оперлась на ствол ближайшего дерева, но тут же отдернула руку – он был склизким и скользким, словно мох, щедро покрывавший кору, уже успел сгнить.

Тропинка вилась и здесь. Она едва пульсировала в темноте мягким зеленоватым светом, как болотная гнилушка. Да и пахло здесь болотом, тяжело и затхло. Дальше я пошла медленнее, осторожно прощупывая землю перед собой, прежде чем наступить, отводя от лица низкие колючие ветви ближних деревьев. Тонкие сучки путались в волосах, низкие кустарники хлестали по ногам. Каблуки утопали в прелой листве, цеплялись за вздымающиеся из-под земли корни, и мне стоило большого труда не падать.

Присев, я зашарила руками по земле, пытаясь найти палку подлиннее и попрочнее, чтобы опираться хоть на что-то. Да и с палкой в руках я бы чувствовала себя здесь увереннее.

Но под руку мне ничего не попало, а шагнуть с тропы я не рискнула – лес в стороне от нее выглядел совсем уже дремучим и непроходимым. Глаза постепенно привыкали к темноте, и я уже легко различала тропу и мелкие цветочки, виднеющиеся из-под прелых листьев.

Дальше я шла, прислушиваясь и оглядываясь. Тишины не было: влажно шуршала трава под ногами, откуда-то из глубины леса доносились скрипы и шорохи, шелест длинной хвои. Краем глаза я постоянно замечала какое-то мелькание в чаще, белесые тени, проносившиеся быстрее, чем я успевала повернуться и разглядеть их. По спине у меня бежали мурашки, но ускорять шаг я не рисковала, опасаясь запнуться и полететь кубарем.

Внезапно по правую руку от меня среди деревьев показался просвет. Я остановилась, не веря своим глазам, пару минут настороженно приглядывалась. Где-то неподалеку рухнуло одно из старых, огромных деревьев и увлекло за собой пару елей поменьше. Теперь на земле лежали только высохшие стволы, за которыми виднелась то ли опушка, то ли поляна. Я привстала на цыпочки, надеясь разглядеть получше, но ничего, кроме проблеска серого света, не видела.

Нерешительно потоптавшись на месте, я все-таки сошла с тропы. «Вернуться всегда успею, – утешала я себя, – поваленные деревья хороший ориентир, да и поляна – вот она, рукой подать». Я целеустремленно пробиралась сквозь густые папоротники и залежи сухих веток, отводила от лица свисающие с деревьев плети вьющихся растений. С трудом перебравшись через поваленные стволы и едва не переломав ноги, я снова огляделась, пытаясь оценить расстояние до возжеленной полянки, но вокруг только возвышались могучие ели, между тяжелыми лапами которых не было видно ни малейшего просвета.

В растерянности я потопталась на месте. Неужели, пока перелезала через деревья, я так сильно отклонилась в сторону? Наверное, надо пройти вдоль стволов, и снова покажется поляна.

Но ничего не было. Лес полностью сомкнул надо мной ветви, деревья стояли таким частоколом, что за ними ничего невозможно было разглядеть, словно просвет, который так меня манил, был не больше, чем мороком. Я в сердцах плюнула и полезла обратно, возвращаться на тропу.

Я точно помнила, где она, что до нее от упавших деревьев не больше десяти шагов, но шла и шла, пристально глядя под ноги, а тропа так и не появилась. Я ускорила шаг, чувствуя, что впадаю в панику, завертелась на месте, оглядываясь, пытаюсь приметить знакомо выглядящие деревья, но только зацепилась за что-то каблуком и плюхнулась на влажный мох.

– Спокойно, без паники, – сказала я себе, стараясь не замечать, как нервно дрожит голос. – Сейчас встану и пойду назад, к упавшей ели, буду искать дорогу от нее.

Стоит ли говорить, что никаких поваленных деревьев я не обнаружила? Меня со всех сторон обступал лес, темный, дремучий, непроходимый. И я в нем заблудилась. Ужас сковал меня, как льдом, сердце колотилось гулко и учащенно, на глаза навернулись слезы. Большого труда стоило взять себя в руки и заставить идти хоть куда-нибудь.

О, как я надеялась, что в этом лесу нет хищников!

Я внимательно смотрела под ноги, пытаюсь разглядеть хоть намек на тропинку, но не заметила выступающий корень и в который раз полетела на землю. Что-то подо мной хрустнуло, земля раздалась, и я наперегонки с воплем свалилась куда-то вниз, больно ударившись о камни.

Со стоном перевернулась на живот и попыталась встать, но руки так и разъезжались на скользких округлых валунах, которыми была выложена земля. Я свалилась в какое-то подземелье, огромный склеп. Я с трудом встала, придерживаясь за стену, и, задрвав голову, прикинула высоту свода. По краям неровной дыры, в которую я упала, торчали ветки, один особенно длинный и мощный корень свешивался в провал. Я встала на цыпочки, но все равно до него не дотянулась. Прыгнуть не рискнула – в подвернутой ноге все еще пульсировала боль. Не хватало еще из-за каблуков на скользких камнях ноги переломать!

В лесу было темно, но здесь темнота была абсолютной, густой и сырой, словно где-то рядом текла вода. Каменный коридор тянулся в обе стороны, и невозможно было разглядеть, насколько далеко. Сейчас я особенно сильно жалела о сумке с вещами, скинутой в прихожей: ну что мне стоило взять ее с собой? Там и телефон лежал, и перочинный ножик, и зажигалка. Мне бы сейчас это все очень пригодилось.

Пока я вертелась и оглядывалась, в коридоре что-то зашевелилось. Я замерла, как мышь перед змеей, до боли в глазах вглядываясь в темноту. Там было... что-то. Что-то огромное, зловещее и беззвучное. Во рту пересохло, а в руках поселилась предательская слабость. Мне не выбраться. Не спастись. Остается сидеть на относительно светлом пятачке под дырой и ждать, когда существо вылезет к своему запоздалому ужину.

Когда оно задвигалось, глаза различили размытый силуэт, отдаленно похожий на человеческий, худые руки с непропорционально длинными и острыми пальцами. Лицо или морду я могла только вообразить, и фантазия подкидывала мне варианты один другого страшнее. Ни острые зубы, ни огромная пасть не пугали так же сильно, как неизвестность.

И когда существо потянуло худые ломкие руки, словно сплетенные из черного дыма, через освещенный пятачок ко мне, я не выдержала и завизжала. Звук эхом отразился от низкого свода, разбился на осколки и продолжил звучать в глубине коридора, исказившись и превратившись в торжествующий охотничий вопль.

– Эй, лови! – и сверху вместе с криком мне под ноги свалился горящий факел.

Тварь уползла обратно в темноту и зашипела, попыталась густым дымным щупальцем дотянуться до меня, огибая неярко тлеющий огонь, но тут между нами приземлился человек. Он быстро подхватил факел, ткнул им твари в морду, и та с обиженным ворчанием бесследно растворилась в густой темноте склепа.

Мой спаситель обернулся ко мне, чуть приблизился, чтобы меня рассмотреть. Свет огня больно резанул по привыкшим к темноте глазам, я зажмурилась и вскинула в защитном жесте руки. Человек только скептически хмыкнул и, закрепив факел в щели между камнями, легко выбрался наверх.

Я снова осталась одна, пусть и не в темноте.

– Ты заснула? – снова сверху раздался его резковатый голос. – Выбирайся! Или хочешь остаться твари на ужин?

Он протянул руку и, схватив меня за обессиленную ладонь, практически вытащил на поверхность. Я опустилась на землю на подкосившихся от пережитой паники ногах.

– А как же факел? – глупо спросила я, сообразив, что забыла его забрать.

– Пусть остается. Зажег я его специально, тебя вытаскивать. Так в лесу от него неприятностей больше, чем пользы. На живой-то огонь всякое понабежать может.

Он деловито отряхнулся и снова поднял меня на ноги, критически осмотрел.

– Сразу по тебе видно, не из наших ты, девка. Одето странно, ведешь себя глупо, – голос у него был приятный, но я все равно боялась его, даже после того, как он меня спас. – Как в чаще-то оказалась?

– Я была на... лугу, – с трудом сглотнув, попыталась объяснить я, глядя на него снизу вверх. – Там еще столбы такие странные стоят. Испугалась и побежала в лес. Шла по тропе. Потом увидела полянку, хотела выйти на нее, но заблудилась. Пока искала дорогу, провалилась в склеп.

– Не склеп это, – покачал головой человек и, взяв меня за руку, повел прочь от провала под землю. – Капище заброшенное. Тварь тут заточили, давно еще, до разделения мира. Забыли уж, как звать-то ее, подкармливали только, чтоб не выбиралась. Это потом уже лес разросся, и дорога сюда затерялась. А тварь не спала, голодная сидела. Учужала тебя на поверхности, вот и подозвала, закружила да к логову своему вывела.

Легкая судорога прошла по телу, и я только сейчас сообразила, как легко отделалась благодаря незнакомцу. Надо было его поблагодарить, но язык почему-то не поворачивался. Говорить с ним не хотелось, только развернуться и бежать от него подальше, словно тварь не осталась позади под землей, голодная и злая, а коварная и довольная шла рядом, тянула за руку к себе в пасть.

Ориентируясь по одному ему ведомым признакам, незнакомец вел меня через лес, находя легкую дорогу, где и подлесок в ногах не путался, и колючие ветви глаза выбить не пытались. Я едва за ним попевала, иногда срываясь на бег, боялась, что он выпустит мою ладонь и я снова останусь в лесу одна. Уж лучше тварь, что прикидывается дружелюбной, чем полное одиночество.

– Со старого кладбища ты в лес вошла, даже чудно, что тропку отыскала. Я-то считал, заросла она давно, – между тем продолжал говорить мой вольный или невольный спаситель, и его голос успокаивал. – Но там-то ты как оказалась? И шла куда?

– Очнулась я там, – дальше молчать было бы совсем невежливо, и я предпочла отделаться лаконичным ответом. – Что до этого было – не помню. Иду куда глаза глядят.

– Плохо они у тебя глядят, раз на каждый лесной морок за собой тянут!

Мы, наконец, выбрались на тропинку. После глубокой черноты капища и ярких всполохов огня ее мягкое свечение было настоящим отдыхом для глаз.

– Иди тогда прямо, с тропы не сходи, по сторонам не смотри, – посоветовал мне спаситель. – Из местных-то не каждый без тропы лес пересечь может, а ты чужачка, тебе бы одной здесь вообще не ходить.

Он сочувственно покачал головой, но свою компанию не предложил – и слава богу. Я все пыталась его рассмотреть, но в темноте много не разглядишь. Одежда темная, плащ с надвинутым капюшоном, под ним почти не видно лица. Я же в основном в землю смотрела, только и заметила, что обувь у него не современная, а больше похожа на ту, что всяким царевичам в книгах сказок рисуют.

– И куда я выйду? – облизнув пересохшие губы, хрипло уточнила я.

Он только усмехнулся. Губы у него были бледные и тонкие, одну щеку наискось прорезала тонкая ниточка старого шрама. Глубоко надвинутый капюшон скрывал глаза, и меня это почему-то сильно пугало.

– К людям. Помогут, расскажут. Мне, извини, недосуг провожать, охотиться надо.

Я кивнула, запоминая. По тропе прямо, никуда с нее не сходить. Все просто. Тем более после своих приключений я зареклась не то что с тропы сходить, а вообще по сторонам смотреть.

Обшарив землю взглядом, незнакомец вытащил из кустов внушительную кривую палку, ловко обстрогал кинжалом один ее конец и очистил от коры. Когда он убирал кинжал, под его плащом мелькнул край рубахи и широкий пояс, весь в чеканных заклепках.

– Держи. Идти проще будет, а то обувка у тебя негодная.

Я с благодарным кивком приняла подарок, сразу чувствуя себя уверенней.

– Как звать-то тебя, девка? – словно мимоходом поинтересовался охотник. Я пожала плечами, собираясь ответить на вполне невинный вопрос, но горло снова перехватило так, что ни слова не выдавишь.

– Не помню, – наконец с трудом произнесла я. – Как хочешь, так и назови.

Его губы только сильнее сжались, совсем превратившись в тонкую линию. Тем не менее голос был все такой же успокаивающий и дружелюбный.

– Так кузнец имена дает, к нему иди. Может, твое забытое отыщет, – он покачал головой. – В добрый путь, девка, будь осторожна. Коли опять в лесу в беду попадешь, меня зови, помогу, чем смогу.

– Как звать-то? – Тут настала моя очередь усмехаться. – «Ау» кричать?

– Ну зачем же аукать, так и кличь – охотником!

И больше не затягивая прощание, он сошел с тропы и моментально растворился в темноте среди стволов. А я еще некоторое время стояла на месте, обдумывая события. Я была благодарна неожиданному знакомцу за спасение, да, но и доверия он все равно не вызывал. Мимо проходил, следы увидел, да-да, всего лишь. Не верю я в такие счастливые совпадения.

Странная одежда, странная речь охотника заставили вспомнить горы книг, прочитанных в подростковом возрасте, о магии и других мирах. Рациональная часть моего разума давно капитулировала, не найдя в себе сил как-то объяснить происходящее, а иррациональная подсказывала, что сбылась моя глупая подростковая мечта и я очутилась в ином, странном мире. В мертвом мире.

Некоторым мечтам лучше не сбываться.

5. Не дурнее Иванов

Я медленно шла по тропе, опираясь на посох и внимательно глядя под ноги. Охотник обещал, что впереди будут люди: что ж, пока можно было подумать, что я им о себе расскажу. Но думалось о другом.

В своей жизни мать любила только отца и алкоголь. Впрочем, отца она любила чуточку больше. Мы были для нее досадной помехой, но она мирилась с нашим присутствием, ведь отец в нас души не чаял. Чтобы угодить ему, мать тоже баловала нас, заботилась, но как-то равнодушно, механически, словно изображала нежные чувства, не испытывая их. И все же это было самое счастливое время в моей жизни.

Мне и Марье позволялось все. Отец оплачивал наши капризы, потакал увлечениям, поощрял интерес к истории. Я зачитывалась приключенческими романами, фантастикой, сказками, и воображение легко рисовало мне бирюзовое небо и башню из слоновой кости в стране Нет-и-не-будет. Я даже какое-то время ходила в клуб реконструкторов, до боли в пальцах вышивала старинные платья, плела ловцы снов – отец сам срезал мне ивовые ветви, заказывал перья красивых диких птиц.

А потом он в считанные недели сгорел от рака.

Он знал, что на мать нельзя положиться, и просил меня позаботиться об изнеженной, еще слишком маленькой сестре. Впрочем, я и сама прекрасно понимала, что семью придется тащить мне.

Отцовских сбережений хватило как раз до моего окончания школы, ведь с каждым днем мать отдавалась своей единственной оставшейся любви со все большим пылом. Нас она перестала замечать – больше не было отца, ради которого она изображала материнскую любовь.

Я заставила себя забыть обо всех увлечениях и желаниях. У меня остался долг и обещание отцу, и я безжалостно переламывала себя, чтобы его выполнить. Я смогла поступить в университет и найти работу. Я смогла зарабатывать достаточно, чтобы обеспечить Марье нормальное детство, которое у меня закончилось слишком рано.

А теперь я медленно, шаг за шагом, вспоминала все то, что мне пришлось забыть.

Лес оборвался внезапно. Тропа уперлась в высокие и густые кусты орешника вперемешку с чертополохом, сквозь которые мне пришлось продирааться, зажмурив глаза. Выбралась я вся исколотая и исцарапанная, да еще и грязная. В волосах запутались мелкие веточки и скрученные сухие листья, и я очень надеялась, что не собрала головой всю окрестную паутину.

Небольшая поляна, блеклая и безжизненная, словно выжженная, в самом центре леса казалась маленькой лысиной, спрятанной в пышной шевелюре. Тропка белой ниточкой тянулась по потрескавшейся серой земле к избушке, возвышающейся на крепких сваях. Сама изба почернела от времени, и ее крыша заметно покосилась на один бок. Маленькие окошки были мутные, грязные; я прищурилась, но так и не смогла разглядеть, есть ли кто внутри. Двери не было видно, хотя тропа добегала до первого ряда свай и обрывалась.

– Это и есть люди, которые помогут? – фыркнула я под нос себе и в шутку звонко произнесла: – Избушка-избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Вот только лес был со всех сторон.

Я растерянно моргнула. Опустила посох на землю и протерла глаза. Крепкая, массивная дверь возникла между окон, на совершенно пустой до этого стене. Кривоватая лестница тянулась как раз к обрывающейся тропке.

Словно морок спал.

Поборов дрожь, я подхватила посох и неуверенно поднялась по ступеням. Дверь скрипнула, но отворилась легко, пропуская меня в темные, просторные сени, где вкусно и пряно пахло скошенными травами. Я на ощупь пробиралась вперед, стараясь не удариться головой о

низкий потолок. Я его не видела даже, но почему-то была уверена, что балки нависают прямо надо мной, едва не касаясь макушки.

Во внутреннюю дверь я боязливо постучала.

Я все еще не была уверена, что здесь есть кто-то живой, но подсознание охотно подсовывало образ старой, сморщенной старухи с крючковатым носом, волосатыми бородавками, но добрыми, понимающими глазами.

На третий удар кулака дверь бесшумно отворилась, и реальность оказалась гораздо страшнее горьких плодов воображения. На открытом очаге стоял котел, в котором что-то зловеще булькало и светилось гнилушным зеленым светом. На потолке, прямо над котлом, темнело огромное закопченное пятно. Вдоль стен стояли широкие лавки, грубые и массивные, в углу, под кучей грязного тряпья угадывалась лежанка. С балок свисали связки сухих трав и кореньев. На длинные нити нанизаны грибы вперемешку с яркими яблоками и гроздьями красных ягод. Все углы густо заплела толстым слоем паутина, старая и пыльная, похожая на кружева прабабушки, вытасенные после долгого забвения из сундука с заржавевшим замком.

С одной паутины на толстой нити спустился паук с огромным толстым брюшком и тонкими хрупкими лапками и деловито пополз по своим делам. Я едва сдержала вопль отвращения.

Хозяйка этой жуткой избы сидела в центре комнаты, боком ко мне, но я до последнего ее не замечала, словно сознание отказывалось признавать ее существование. Баба-Яга оказалась еще страшнее, чем ее рисовали сказки. Сухая, сморщенная, она походила на скелет, обтянутый серой пигментированной кожей. Редкие волосы седыми клоками торчали во все стороны, костлявые пальцы, неожиданно длинные и ловкие, постоянно что-то вертели и вязали. Присмотревшись, я поняла, что она скручивает и переплетает соломенную фигурку человека. Вот девушка с длинной косой, вот – животное, похожее и на волка, и на собаку, еще пара быстрых движений – и в руках у нее крепкий соломенный мужичок, снова движение – птица с огромным размахом крыльев...

Меня так загипнотизировали ее размеренные быстрые движения, что я вздрогнула всем телом, когда она швырнула игрушку в огонь и сноп искр взметнулся до потолка.

Она медленно развернулась ко мне всем корпусом, словно приглашая рассмотреть ее повнимательнее. И следующее, что я заметила в зеленоватых отблесках варева, едва не заставило меня с воплями бежать обратно в лес.

У нее не было глаз. Глубоко запававшие глазницы уже давно заросли тонкой кожей, чуть светлее, чем остальное лицо. А в оттянутых мочках покачивались тяжелые круглые серьги с белыми камнями в центре... нет, с глазными яблоками, неустанно вращающимися, обшаривающими избу жадными пустыми зрачками.

– Добрый молодец, – проскрежетала старуха, медленно, вперевалку подходя ко мне. Глаза в ее серьгах остановились и воззрились на меня. – Живой, живо-ой. Давно живого духа ко мне не забредало, ох как давно.

Я смущенно кашлянула и прислонила посох к стене.

– Простите, бабушка, я девушка вообще-то.

– Дев... девица? – старуха по-птичьи склонила голову к плечу. Сухие, похожие на паучьи лапки, пальцы вцепились в подбородок, повертели мою голову из стороны в сторону.

– Ай!

Я не удержалась от короткого взвизга, когда пальцы, разом став жесткими, выдернули у меня прядь волос. Старуха, что-то ворча под нос, поковыляла к огню и при его свете начала разглядывать прядку. Руки ее словно жили отдельной жизнью – они уже начали свивать из волос подобие соломенной куколки. Когда она обрела определенно женские очертания, Яга спрятала ее за пазуху и снова обернулась ко мне.

– Девушка-девушка, слепая соколица, – глумливо захихикала она, не разжимая изрытых оспинами губ. – Да в одежде добра молодца. Марью Маревну небось ищешь, службу предложить хочешь? Так зря ты, живая, пришла, не учит она никого, давно не учит!

И ее мерзкое хихиканье перешло в кашель.

– Ищу, бабушка, – спокойно подтвердила я, словно чувствуя, что пока я правду говорю и не боюсь ее, Яга мне ничего сделать не может. – Ищу Марью, но не Маревну, а сестру родную. Исчезла она из дома, а я следом пустилась и здесь оказалась.

Ведьма продолжила сидеть у огня, только глаза в серьгах повернулись в мою сторону.

– Сестра, говоришь? Сестры вечно пропадают, а добрым молодцам их выручать, невест искать, по трем царствам бродить, живую воду пить, да мертвой тело омыwać. Но вот чтоб девицы пускались сестер искать... нет, не припомню такого. Только за женихами глупыми да дурными приходили.

Я пожала плечами.

– Все когда-то встречается впервые, бабушка. Какая разница, кого я ищу, мне помощь нужна.

– Помо-о-ощь? – издевательски протянула Яга. – Кто ж сказал, что помогать буду?

– Охотник сказал, которого я в лесу встретила. Да и сказки все твердят, что Баба-Яга Иванам-дуракам и Иванам-царевичам помогает. Так я не хуже.

Старая ведьма резко повернулась на месте, почти подпрыгнула, а потом в один миг оказалась со мной лицом к лицу, разом сделавшись огромного роста, так, что крючковатый ее нос едва не упирался мне в лоб.

– Что за охотники по внешнему лесу бродят, мне на глаза не показываются и добычей не делятся? – так злобно пророкотала она, что я струхнула и начала огрызаться. Ничем не лучше Марьи, да.

– А мне-то откуда знать, что за охотник? Он не представился, велел с тропы не сходить, а сам в лес ушел. И к вам, бабушка, направил.

Старуха снова сдулась, став сморщенной и низенькой.

– Как лес дальше границы пошел, – заворчала она, семена по комнате и уверенно сдергивая с потолка определенные травы, – так и повадились там твари плодиться да незваные гости гулять, себе на погибель, мне на заботу.

Она деловито бросила травы в ступку, добавила туда одну из гнилушек и принялась ожесточенно растирать. Больше не чувствуя на себе ее острого изучающего взгляда, я немного расслабилась и осторожно опустилась на одну из лавок.

– То ведь земля ничейная, не живая – не мертвая, и ходят там не живые – не мертвые, бродят, пути ищут. Да тропа хитра, тропа вьется-вьется, как нить из-под веретена, тонкая и гладкая, что твой шелк, а потом заводит в пустошь и обрывается, разом став не шелком да льном, а грубым волокном. Нет пути из леса, кроме того, что я указую. Лес хитер, лес давно за границу пророс, сам по пути-тропе движется, ход ищет, да не найдет, нет, не найдет!

Бормоча и завывая, Яга ловко поймала одного из пауков, кинула туда же, к истертым травам, и начала с ожесточением месить. Казалось, что капли слизи и яда летят во все стороны.

Наконец, она вытащила из-за пазухи куклу из моих волос, повертела перед носом, принюхалась, затем плюнула на нее и швырнула в ступку. Из нее тут же повалил густой дым, собравшись сначала в жуткую тварь из подземного капища, а затем в мужчину в капюшоне – охотника, меня спасшего.

Глазные яблоки в серьгах закрутились как сумасшедшие, серьги даже раскачиваться начали, позвякивать немелодично, но Яга только головой покачала и развеяла дымное видение.

– Что ж, – медленно и, как мне показалось, печально проговорила она. – Я помогу тебе. В мир живых пройти легко – обратно по твоим следам, до самого конца тропы, через лес, через

луг, через кладбище и мертвую деревню. Но ты же не в мир живых путь ищешь, а? – хитро усмехнулась Яга.

– Я ищу сестру.

– Смерть ты ищешь! Но дело это твое, в расставленные силки идти по доброй воле.

Я напряглась:

– О чем ты, бабушка?

Но Яга не ответила, снова закрутившись по избушке, собирая травы да ведьминские безделушки. Подойдя ко мне, она снова жадно принялась со смесью алчности и отвращения.

– Русский дух, живой дух! Если хочешь дальше идти, то в баньку ступай.

– Зачем? – насторожилась я. Действия старухи пугали все больше и больше, мне чудилось, что она вовлекает меня в какое-то колдовство.

– Что за дурья голова, – сварливо всплеснула руками Яга, – верные слова знает, а правила нет. Раз уж смогла войти, девица, то не артачься, соблюдай законы. Не в гости, чай, пришла, а в мертвое царство!

Я с трудом сглотнула и разом охрипшим голосом спросила:

– Что нужно делать?

Старуха противно и скрипуче захихикала, потирая ладони.

– Знамо что, детонька: в баньке попариться, хлеба да воды отведать да и спать лечь. Иваны, хоть и дураки, просят, как о великой чести, а тебе я сама предлагаю.

– А что будет, если я откажусь? Не смогу пройти дальше? – с напускным равнодушием поинтересовалась я.

– Сможешь, – утешительно похлопала меня по щеке ведьма, не удержалась и ущипнула, словно пробуя булочку на мягкость, – только не далеко. Да и не на ногах.

И она кивнула в самый темный угол избы, под паутину. Прищурившись, я различила там очертания зверя, почти неподвижно свернувшегося на лавке. Словно почуяв, что речь зашла о нем, огромный пес едва приоткрыл мутные глаза, зевнул, демонстрируя желтоватые и слишком крупные для собаки клыки, и снова погрузился в сон.

После этого всякое желание спорить исчезло. Я, покорно следуя указаниям ведьмы, вышла из избы и, закрыв глаза, зашла обратно. В лицо сразу пахнуло влажным жаром, кисловатым запахом болотной воды и тины. От горячей воды в бадьях поднимался пар, да только сама вода имела явственный зеленоватый оттенок и всюю цвела. Листья банного веника покрывал такой слой плесени, что уже невозможно было определить, дубовый он или березовый.

К горлу подкатила тошнота. Мыться этим не хотелось до боли в зубах, но послушаться Ягу мне не хватало смелости. Пугала меня не сама ведьма, а ее слова, что без этих ритуалов Марью я не найду. Да и повторить судьбу незнакомца и превратиться в зверя мне не хотелось.

Быстро раздевшись, я зажмурилась и поплескала на себя гнилой водой, сдерживая отвращение – казалось, по коже растекается густая слизь. Кое-как вымывшись, я поспешила вытереться куском холста, найденным в предбаннике. Он не выглядел чистым – старый, запыленный, но после болотной воды я казалась себе такой грязной, что даже не обратила на это внимание.

Одевшись, я подозрительно принялась. Меня неотступно преследовал гниловатый запах болота, и были все основания подозревать, что разит им как раз от меня.

В избу я вернулась, постоянно почесываясь, хоть и понимала, что ползущие по телу мокрицы и многоножки мне только мерещатся.

Ох, зря я их вспомнила!

Яга уже ждала меня за столом. Довольно хихикая и постоянно потирая руки, она усадила меня на лавку перед блюдом со склизкой, похожей на гной кашей и заплесневелым хлебом, по которому ползали мелкие многоногие насекомые. Я скривилась от отвращения, едва сдерживая дурноту.

– Кушай-кушай, девица, – приговаривала Баба-Яга, наливая в кружку затхлой воды, – живой дух с себя смыла, вытравить осталось.

Я уныло ковырялась ложкой в мерзком вареве. Сказки никогда не описывали трапезу Ивана-царевича у Яги, и теперь я понимала, почему.

Зверь Яги неловко выбрался из темного угла и, неуклюже задирая ноги, вспрыгнул на лавку рядом со мной и устроил лобастую голову у меня на коленях. Я прищурилась и поняла, что это не пес, как я решила изначально, а волк, жилистый и худой. Я неуверенно погладила его между ушей, и он благодарно лизнул мою руку, словно подбадривая.

Я с трудом проглотила одну ложку гадкой каши и поскорее зажевала хлебом, смахнув с него насекомых. К моему удивлению, меня не вывернуло сразу же в тарелку, и дальше я ела уже спокойнее, хоть и старалась вдыхать исключительно ртом, чтобы не ощущать гадкий запах еды.

Глаза старухи жадно следили за каждым моим движением – кажется, старой карге доставляло удовольствие смотреть, как я давлюсь. Она довольно улыбалась, и между тонких изъезженных губ ее мелькали мелкие острые и полупрозрачные зубы.

– Что дальше? – глухо поинтересовалась я, когда с трапезой было покончено.

– Спать с вечерней зарей ляжешь, с утренней дальше пойдешь землю топтать, сестру искать.

Я расслабилась и почесала волка за ухом.

– Это же человек, верно?

Яга уже вернулась к своему котлу, помешивая зеленоватое варево длинной ложкой, но глаза в ее серьгах повернулись ко мне.

– Человеком был, глупым был. Живой дух от него шел, сильно пахло, от самого сердца леса навьи пришли. Но я укрыла и защитила, в шкуру зверя одела, тварей отвадила. С тех пор у меня живет, не ест, не пьет.

– Давно он так?

– Я дней не считаю, ночам учет не веду, – почему-то грубо отозвалась старуха, поворачиваясь ко мне. Глаза в серьгах снова завертелись, чтобы не упустить меня из вида.

– А человеком он стать может?

– Может, да навьи снова сбегутся, умруны за горячей кровью явятся. И за тобой бы явились, если б дурнее Иванов была.

Я сочувственно потрепала волка по загривку, он покорно это стерпел.

– А он не говорил, кем был?

– Говорил, ой много говорил, – словно сама себе кивнула карга, возвращаясь к зелью. – Чушь про мир духов нес, про испытание великое да свое предназначение славное... Предназначение, – старуха снова захихикала, – в моей избе век волком доживать да солнца не видать!

– Неужели нельзя сделать так, чтобы его не чуяли?!

– Можно. Как тебя. Да этот глупец отказался, а выбор чужой я уважаю.

Я вздохнула, хотела еще что-то спросить, но язык уже ворочался, накатывало забытье. Уже на границе беспометства промелькнула мысль: «Она меня все-таки отравила!»

6. Пять запретов

Утром я чувствовала себя отдохнувшей и полной сил, словно впервые за последние четыре года вышла в отпуск и выспалась. Я сладко потянулась – и на пол слетело замурзанное лоскутное одеяло, в которое я куталась ночью.

Я уставилась на него с недоумением. Нет, я прекрасно помнила, где нахожусь и что со мной произошло. Коварная логика даже не пыталась выдать вчерашние события за сон. Мне просто не верилось, что Яга стала бы меня заботливо укрывать.

На соседней лавке лежали стопкой сложенные вещи: холщовые штаны, похожие на шаровары, длинная рубашка с широким поясом, темный шерстяной плащ. Рядом обнаружили кожаные сапоги с замысловато переплетенными ремешками вместо застежек. То ли Яга встала в хорошем настроении, то ли у нее просто не было женской одежды, но меня ее выбор обрадовал, хотя пришлось повозиться, прежде чем я смогла облачиться в такой костюм.

Одежда была немного великовата, пришлось подвязывать ее множеством тесемочек и ремешков, так что в итоге я сама себе напоминала много раз перепоясанный сноп. Рукава я одергивала и поправляла дольше всего – чтобы скрыть крошечную татуировку-птичку на запястье – последний привет из легкой и свободной юности. Старую одежду, сильно подранную в лесу, я бросила без сожалений, словно змея – выползок. Обшарила карманы напоследок, но не нашла там ничего нужного. Только соколиное перо. Задумчиво повертела его в пальцах и спрятала за пазуху.

– Хорош молодец, хоть и девица, – мерзко захихикала от дверей Яга. В руках она несла чугунок, над которым вился пар. Пахло, на удивление, аппетитно.

– Неужели вчера нельзя было мне дать нормальной еды? – возмутилась я, когда Яга придвинула мне плошку с тушеными овощами и кружку с квасом. После вчерашнего «угощения» мне едва хватало воспитания, чтобы есть как цивилизованный человек, а не наброситься на еду, словно оголодавшая свинья.

– Еда одна, что до твоего сна, что после, – неожиданно серьезно и торжественно ответила Яга. – Ты изменилась.

Я так и застыла с набитым ртом, представив на мгновение, что за обе щеки уплетаю вчерашнюю мерзкую кашу.

– В смысле – я изменилась?

– Ты же перешла границу, дитя, была чужой здесь, и мир тебя отвергал. Теперь ты своя.

– То есть я умерла? – похолодев, уточнила я, но старуха только недовольно головой покачала.

– Да жива ты, жива, девка глупая! Я тебя через границу перевела, и мир тебя принял. Так и назад выпускать буду, коли надумаешь вернуться! Но учти, сестре твоей хода с тобой не будет!

– Что?! Почему?

– Да потому, дурная твоя башка, что не я границу ей отпирала, другой ее провел! И либо сожрана она уже навьями, что на дух живой слетелись, либо сама здесь своей стала!

Мне показалось, что сердце у меня остановилось, еда разом утратила вкус.

– Я все равно найду ее, – твердо произнесла я, глядя в лицо Яге. – Все равно.

Она только устало покачала головой.

– Ох, сколько вас, самоуверенных, ко мне приходит, да мало кто возвращается. И ведь предупреждаю каждого, наставляю, уговариваю и пугаю, нет – все равно навстречу погибели стремятся! Что вам, в Навьем царстве медом намазано?!

– Так ведь не от хорошей жизни в царство мертвых идут, бабушка.

– Что верно, то верно. Искать сестру тебе долго. Птица большая ее утащила, Финист постарался.

– Финист?! – Нет, конечно, о чем-то подобном я уже догадывалась, ответ всегда лежал у меня под носом, но я просто отказывалась его замечать. – Но Финист же никогда девиц не крал и зла не творил!

Яга только скептически изогнула тонкие бесцветные губы, и я осеклась и уже тихо и неуверенно добавила:

– Ну, так в сказках говорится...

– Много в сказках говорится, много лжи, – скрипуче рассмеялась старуха. – И мир изменился, и герои сказаний изменились. Погибли мы для мира, ушли и исчезли вместе со сверженным идолом. Унесла его вода в темноту, в мир подземный, от солнца далекий, и нас утянула. А без света и добра не осталось, только голод и смерть. Кто добро творил, злее навий стал.

– А ты, бабушка?

– А я, – усмехнулась Яга, блеснув острыми зубами, – испокон веков на границе стою, вход в мир людей стерегу, одною ногой жива, одною мертва. И не изменится для меня ничего, и до скончания времени будет так.

Квас я допивала в молчании. Хотела помочь Яге убрать со стола, но она только отмахнулась. Волк спрыгнул с лавки и свернулся у моих ног, совсем как большая кошка.

Из темного угла старуха вытащила почерневший от времени ларец, окованный железом. Металл ярко блестел, словно только что отполированный. Ларец этот, огромный и неприподъемный даже на вид, Яга несла легко, словно шкатулку.

– Слушай меня, девица-соколица, слушай и запоминай, – старческий надтреснутый голос Яги стал глубже и мягче. Старуха открыла ларец, пару минут пересыпала из руки в руку его содержимое. Достав медный чеканный браслет, быстро надела его мне на запястье, – имя скрывай, не называй никому, как бы ни спрашивали, как бы ни пытали, чем бы ни грозили. Даже другу не открывай, даже возлюбленному, ибо нет в Навьем царстве друзей и возлюбленных, только обман.

Другой браслет, почти брат-близнец первого, сдал мне вторую руку.

– Помощи не жди ни от кого. Предложат – откажись, навяжут – беги. Но если уж помогут – не благодари, иначе всю себя во власть тварей отдашь.

На средний палец правой руки Яга надела мне тяжелый перстень с растительным орнаментом:

– С дорог не сходи, троп не покидай. Земля алчет крови и плоти не меньше тварей, и сама она тварь.

– Бога своего не поминай, только тварей разъяришь, помощи не дождешься. Нет здесь у него власти, – с этими словами мне на голову лег тонкий обруч с височными кольцами.

– Сестру найдешь – проверь ее, расспроси, разговори, – Яга застегнула мне на талии пояс из крупных пластин, украшенных чеканными волчьими головами и колючими лозами. – Найти одну оболочку выеденную можешь, в которой, как в платье с чужого плеча, духи разгуливают.

Я кивала, про себя повторяя предостережения. Украшения давили то ли оковами, то ли доспехами.

Она вручила мне посох, с которым я пришла, суму с припасами и бурдюком для воды, кинжал в простых кожаных ножнах, старых и потертых, но когда-то богато украшенных.

– И перо не теряй, – уже в спину прокаркала Яга, – оно тебе путь укажет, к логову Финиста выведет.

Я машинально прижала ладонь к груди, где за пазухой колосось серое перо. Как она узнала, как заметила? Впрочем, это же Яга. Что я о ее силах знаю?

Ягу я не благодарила, помня про ее же наставления. Уходила, чувствуя довольный взгляд в спину. Впереди стеной вставал лес, но он не казался мне таким темным и непроходимым, как раньше.

Уже у самой опушки меня догнал волк. Он несся крупными скачками, словно боялся, что его остановят, но вслед ему не летели ни стрелы огненные, ни проклятия Яги.

– Привет, – улыбнулась я зверю, когда он легкой трусцой пошел рядом, приноравливаясь к моему шагу. Я с интересом разглядывала его при свете дня. Волк был огромный, в холке почти мне до груди, но очень худой, словно шкура обтягивала одни кости. – Решил меня проводить?

Волк не отвечал. Хотя ждать ответа от животного было глупо, я хотела верить, что человек в нем еще не утратил разум.

– А тебе не опасно Ягу покидать? Вдруг тебя духи учуют?

Волк скосил на меня янтарный глаз, и моего разума коснулось мимолетное ощущение его уверенности – даже не успела понять, не почудилось ли мне это.

– Ты умеешь обмениваться мыслями? – продолжала допытываться я. – Или как-то еще общаться?

Снова прикосновение к разуму, немного неуверенное, словно он еще сам толком не осознавал свои силы.

Рыжий осенний лес выглядел радостной пасторальной картинкой после вчерашней чащобы. Тропинка легко бежала вперед, ветки не пытались хлестать по лицу и выкалывать глаза, корни не цепляли ноги. Сквозь густую листву частоколом пробивались блеклые солнечные лучи, высвечивая танцующие в воздухе пылинки. Под ногами пружинил толстый слой мха, то тут, то там на кочках краснели ягоды брусники – глянцевого, алого, как леденцы. Наверное, где-то рядом было болото, но в воздухе пахло прелой листвой и орехами, а не гнилью.

Я совершенно расслабилась, начала с любопытством оглядываться вокруг, присматриваться к яблокам и грибам, кокетливо выглядывающим из-под палой листвы. Яга дала мне еды в дорогу, в основном лепешки и вяленое мясо, совсем немного овощей на первое время. Но кто знает, сколько я буду искать Финиста, если даже сама Яга не представляет, где он может скрываться? От пера обещанной помощи не было, оно спокойно лежало за пазухой, никак себя не проявляя. Даже когда я его вытаскивала, ничего не происходило: перо вовсе не рвалось лететь, указывая мне дорогу.

Похоже, путь будет далеко не так прост, как я мечтала.

Вскоре на глаза мне попался раскидистый орешник, его ветви клонились к земле под тяжестью плодов. Наверное, я могла бы даже до него дотянуться, не сходя с тропы, но как раз рядом с ним тропа огибала небольшой пяточкой, заросший белесой травой и даже не прикрытый листвой. Всего пара шагов в сторону, и я могла бы дотянуться до орехов. Наверное, в этом не было ничего страшного – в конце концов, я ведь не собиралась уходить от тропы.

Чем больше я об этом думала, чем больше я смотрела на орешник, тем сильнее мне хотелось пополнить запасы и отведать его плодов, во рту даже появился масляный привкус. Я топталась на месте, уговаривая себя то идти дальше, то плюнуть на все и сорвать пару орехов. Волк недоуменно тыкался лобастой башкой мне в бедро, подталкивая дальше по тропе. Орешник манил меня, тянул к себе, и я не могла противиться соблазну.

Я уже почти решилась и собралась шагнуть на блеклый пяточек, как резкая боль прошла правую руку. В глазах потемнело, в груди не осталось воздуха для вскрика, настолько сильной и внезапной оказалась вспышка боли. Когда зрение прояснилось, я увидела, что перстень светится красным, словно только что вытасченный из плавильни. Боль обжигающими волнами расходилась от него, кожа вокруг покрывалась волдырями, хотя сам металл оставался едва теплым.

С глаз словно пелена спала, орехов уже не хотелось – орешник от корней до кончиков веток затянула тонкая паутина, оплела каждую веточку, легко трепетала под легкими прикосновениями ветра. Редкие орехи, крупные и тяжелые, темнели среди белых нитей, изъеденные гнилью. Запоздало накатило ощущение близкой опасности, ловушки, жадно распахнутой пасти у самых ног.

Неспроста в лесу, где под ногами скользят бурые и желтые листья, клочок земли так и остался голым, едва прикрытым травой, похожей на густую паутину.

Тихо постанывая сквозь сжатые зубы, я быстро зашагала прочь от коварного орешника. Боль медленно унималась. Волк, шумно дыша, плелся за мной. Может, лес и выглядел более дружелюбным, но менее опасным не стал.

Тропа постепенно расширялась, превращаясь в утоптанную дорогу, на которой запросто могли разойтись двое путников. Волк меня обогнал и бежал впереди, тщательно принюхиваясь и прислушиваясь. Похоже, лес ему внушал гораздо больше опасений, чем мне. Да и ориентировался он явно лучше меня, словно знал, чего стоит избегать. Даже интересно, кем волк был раньше и почему отказался от помощи Яги.

– Эй, – я тихонько окликнула его, боясь шуметь в лесу. – Ты уже достаточно меня проводил, может, вернешься к Яге?

Зверь обернулся, удивленно уставился на меня. В его тусклых глазах так и читалось: «Ты что, дура?»

– Почему ты решил со мной идти? – не отставала я. – Решил мне помочь?

Волк согласно опустил морду, словно кивнул. Разговор, конечно, получался односторонним, но хоть как-то скрашивал дорогу. Волк рычал, дергал ушами или одаривал меня такими красноречивыми взглядами, что я неизменно чувствовала себя идиоткой. Говорить я старалась тихо, почти шепотом, опасаясь потревожить тяжелую тишину леса. Здесь не было привычных шорохов и звуков, даже листья под ногами почти не шуршали. Не хрустели ветки под пробегающим сквозь чащу зверем, не шелестели листья, не кричали птицы. Казалось, я и волк – единственные живые существа в лесу. И эта тишина так действовала на нервы, что, начав говорить, я уже не могла заткнуться.

Перед одной из полянок дорога разделилась на целую сеть тропок, паутиной опутавшую небольшой пятючок земли перед ручьем.

– По-моему, это знак свыше, что пора сделать привал, как думаешь?

Волк только фыркнул – он явно не успел устать и теперь всем своим видом демонстрировал, что согласился отдохнуть только из жалости ко мне. Насторожив уши, он внимательно обнюхал землю и камни у ручья, не поднимая носа, обошел полянку и только потом улегся в тени, уложив лобастую голову на длинные лапы. Не прошедший ритуал Яги, не принятый этим лесом, этим местом, волк видел совсем иной лес: голодный, хищный, недружелюбный.

И, пожалуй, я не хотела знать, что он видел.

Вода в ручье была чистой и ледяной, как в горных реках. Я напилась до ломоты в зубах, чтобы не тратить запасы из бурдюка. С сожалением покосилась на белые шляпки грибов. Увы, как и любое городское дитя, я не могла похвастаться обширными познаниями о грибах, а вот спутать съедобные с червивыми или ядовитыми – запросто.

Осеннее бледное солнце уже начало клониться к закату, но до темноты оставалось еще много времени. Я задумчиво грызла на ходу сухарь и пыталась разработать хоть какой-нибудь план действий. Очень непривычно было жить, не зная, что ты будешь делать в следующий час и день. Незнание тяготило.

К вечеру дорога стала неровной, сначала петляла, огибая каменистые холмы, заросшие корявыми елями, затем начала карабкаться на них, временами почти теряясь среди крупных валунов. С усилием опираясь на посох, я штурмом взяла два холма, третий же, с короной

развалин резко обрывался в темноту. Я едва не полетела вниз, вовремя сообразив, что чернота впереди – не очередная тень, а обрыв. Из-под ног в пропасть покатались мелкие камушки.

Ночевать в руинах было жутко, но спустаться с холма по темноте я бы не рискнула. Ноги все-таки не казенные, да и не было у меня запаса мертвой воды, чтобы мигом срastить переломы. Я поудобнее устроилась у наименее подозрительного камня, выступающего из земли, словно осколок зуба. Стоило прижаться к нему спиной, как меня продрал до костей могильный холод и начали нервно стучать зубы, но этот камень единственный мог укрыть меня от ветра.

Я закуталась в плащ и попыталась заснуть, но не могла даже расслабиться – казалось, стоит мне задремать, как из темноты выйдет тварь с горящими глазами. Пока же горели глаза только моего волка, причем горели явно недовольно. Ворча и фыркая, он принялся рыть и царапать землю, причем не на одном месте, а обходя меня по дуге. Сначала я смотрела на него с недоумением – не рехнулся ли, а потом из глубин памяти всплыли позабытые уже знания.

Вздыхнув, я начала вместе с ним процарапывать на твердой и каменистой почве защитный круг. Когда мы закончили, уже сгустилась кромешная темнота, и оценить правильность линии я не смогла. Я перевела дыхание и снова привалилась к камню. Узкий месяц, полупрозрачный, как льдинка, почти лежал на рыхлых тучах, напоминая острые коровьи рога. Я старалась найти хоть одно знакомое созвездие, но, как ни шурилась, не могла сложить из блеклых, далеких звезд знакомый узор.

Рядом со вздохом лег волк, прижался к моему бедру, и сразу стало теплее. Я предложила ему хлеб и мясо, но он только отвернул морду. В одиночестве проглотив скудный паек, я плотнее прижалась к волку, чтобы сберечь крохи тепла, даже не подумав, сколько блох он успел нахватать за день. Уже засыпая, я решила, что в царстве мертвых и блохи мертвые, а значит, кровь им ни к чему.

Снилась мне Марья. Она кричала и ругалась, что я лезу в ее жизнь, что лес она сама выбрала, что она здесь счастлива, а я просто завидую... даже во сне мне не было от нее покоя. «Раз сама дура, не мешай хоть тебя спасти!» – пыталась крикнуть я ей в лицо, но как часто бывает во сне, ни пошевелиться, ни слова вымолвить не могла.

Уже перед самым рассветом меня подкинуло на месте: до нас донеслись далекие отголоски воя. Только продрав глаза, я сообразила, что меня обмануло эхо в холмах: в лесу не выли, а аукали, громко и отчаянно. На таком расстоянии сложно различить голос, но я почему-то была уверена, что это ребенок заблудился и плачет. Маленькая девочка, слишком далеко зашедшая по грибы-ягоды и не сумевшая найти обратную дорогу до темноты.

Образ исцарапанного, испуганного ребенка так ярко нарисовался перед глазами, что мне стало жаль его до слез. Я даже встала, с трудом распрямляя затекшие, заочневшие ноги, собираясь найти и успокоить дитя, и проснулась окончательно.

Какие грибы-ягоды? Какая девочка?! Да тут только Яга живет!

Меня пробил озноб, когда я сообразила, что уже занесла ногу над защитным кругом, а волк с глухим рычанием тянет меня за полу плаща, пытаюсь удержать на месте. Резко выдохнув, я прижалась к камню и закрыла глаза, пытаюсь восстановить дыхание и унять бешеное сердцебиение. Ауканье стало отчетливо разочарованным и вскоре замолкло.

Стоит ли говорить, что спать уже не хотелось?

7. Болотная трава

Утро наступало медленно и неохотно. За ночь тяжелые тучи затянули все небо и теперь темными рыхлыми брюхами едва ли не задевали вершины елей. Наверное, следовало бы вскочить, умыться и идти дальше – в такую хмарь световой день короток. Но я малодушно плотнее завернулась в плащ, надеясь хоть сейчас немного подремать.

– С добрым утром, красна девица.

Я едва на месте не подпрыгнула.

За пределами круга прямо на земле сидел охотник и улыбался из-под капюшона. Волк сгорбился рядом со мной и тихо и зловеще рычал на него, обнажая клыки.

– Что ты здесь делаешь? – От ночевки на холодной земле голос так охрип, что стал похож на карканье. Я с трудом уселась, вцепилась озябшими пальцами в горловину плаща.

– Охочусь, – охотник пожал плечами, не сводя с меня взгляда. Я не видела его глаз под глубоко надвинутым капюшоном, только замечала блеск белков, и это меня почему-то пугало. – Как вижу, помогли тебе?

– Да, – я кивнула, пристально разглядывая охотника при свете дня. Одежда его напоминала мою, но была из более плотной и темной шерсти, к поясу крепились небольшие мешочки, расшитые замысловатой вязью. Оружия я не заметила, но точно знала, что оно есть. Поймав мой взгляд, охотник дружелюбно улыбнулся и изобразил стук костяшками пальцев над защитным кругом:

– Впустишь?

Волк зарычал еще сильнее, и я положила ему ладонь на холку, пытаюсь успокоить, но вместо этого его страх передался мне. Даже напомнив себе, что охотник уже однажды спас меня, я не смогла вернуть контроль над эмоциями.

Но дальше сидеть в круге было глупо. Я встала, опираясь на посох, словно древняя старуха, и перешагнула защитную черту. Охотник вскочил и поддержал меня под локоть, словно я и впрямь была немощной каргой. Волк, все еще порывивая, выбрался вслед за мной.

– Твоему зверю не по нраву мое общество, – усмехнулся охотник, благоразумно стараясь держаться от него подальше.

– Он не мой, он свой собственный.

– Дикий он разве, чтобы собственным быть? Раз приручен, твой, значит, хоть и нет на нем сворки.

– Это человек, – разозлившись, резко оборвала я мужчину, – такой же, как и я.

Вежливо и чуть виновато улыбнувшись, охотник опустил перед волком на корточки, пристально взгляделся ему в глаза.

– Вот оно как, – задумчиво и довольно протянул он, – прости, друг, не признал в шкуре. За что ж Яга прогневилась, в шерсть звериную облекла?

Вместо ответа волк снова ощерился и попытался спрятаться от охотника за моими ногами.

– Она сказала, что он живой и что он отказался от ее помощи. Вот она и превратила его в зверя, чтобы от злых духов защитить.

Охотник только головой покачал:

– То ли рассердилась Яга шибко, то ли сама многое позабыла. Ведь не единственный это способ беду отвести.

– А ты, получается, знаешь еще один?

– Знаю, отчего же не знать. Трава болотная есть, если цветы ее найти, высушить, да при себе носить, то не учуют навьи живой дух, за своего примут.

Тут уже даже волк уши насторожил, чуть ли не начал от нетерпения подвывать. Похоже, ему не терпелось сбросить опостылевшую шкуру и пройтись на двух ногах.

– Как мне найти эту траву?

– Сама ты ее не сыщешь, не узнаешь просто, слишком бледна и неприметна она. Я помогу. И провожу, и цветки найду.

Правую руку начало покалывать, боль, пока еще тихая, только напоминала о старухином завете.

– Лучше объясни, – мотнула я головой, стараясь не выдать тревоги.

Охотник пожал плечами.

– Растет трава у самых бочагов, у черной воды, стелется низко, цветы – звездочки с ноготок, блеклые, зеленоватые, до холодов держатся, с инеем сходят. Собирать нужно только их, в тишине до заката, до последнего луча солнца. Из ношеной одежды мешок сшить да без железной иглы...

Он осекся, взглянул на мои округлившиеся глаза и только рукой махнул.

– Иди за мной, до болота доведу и траву соберу. Негоже человека зверем оставлять. – Он развернулся и пошел вниз с холма, обратно по моим следам, легко скользя между валунами.

– А как же дорога?!

– Нет дальше хода! Был раньше мост над могучей рекой, да трещины землю изрезали, и река в подземный мир вся ушла, а мост развалился по камню.

Я кисло посмотрела вниз. Получается, зря я вчера сюда лезла?

Волк легко сбежал вниз. На этих буераках, где ногу сломать – легче легкого, у него, с четырьмя-то лапами, было преимущество. Я спустилась последней. И волк, и охотник ждали меня, задрав головы, словно уже успели поспорить между собой, навернусь я кувырком с холма или нет. Увы, их ожиданиям не суждено было оправдаться – я даже ни разу не оступилась.

Теперь нас вел охотник, и эти места он знал хорошо – смотрел постоянно не под ноги, а на ближайшие деревья, словно знак какой искал. У старого трухлявого пня он резко свернул на север, я даже не сразу узенькую тропку-стежку разглядела. Идти по ней приходилось аккуратно, почти след в след за проводником, боясь оступиться.

У корней деревьев чернели небольшие лужицы воды, словно земля уже была не в силах впитать влагу, пахло прелой листвой, сыростью и хвоей. На кочках алела брусника, пару ягод, росших на тропе, я сорвала и отправила в рот. Челюсть свело от их кислоты, но разом исчезла жажда, досаждавшая с утра.

Лужицы становились все больше и больше, постепенно сливаясь в мелкие озера черной неподвижной воды, и в ней, словно в колдовском потемневшем зеркале, отражались деревья и колючие кустарники. Вскоре под ногами начало хлюпать, сапоги заскользили по сырому мху. Я шла медленно, аккуратно ступая по следам охотника, опасаясь поскользнуться и упасть с тропы в мертвые кустарники и колючие плети. Охотник уже давно ушел вперед, временами он оглядывался и ждал, когда же я его нагоню. Было в этом что-то жуткое, словно он заманивал меня в ловушку и проверял, не сорвалась ли его жертва с крючка.

Боль в правой руке становилась сильнее с каждым шагом.

Над болотом стелился густой зеленоватый туман, в глубине которого мелькали синие огоньки. Над водой далеко разносился плеск, словно кто-то со всей дури бил тряпкой по воде.

Охотник довел меня до плоского камня у самого края болота, усадил и велел волку сторожить. Тропа вилась дальше, в обход топи, но охотник уверенно шел по примятой траве и чернеющим кочкам, пока туман полностью не поглотил его.

Я осталась сидеть на мокром камне и ждать, в задумчивости подъедавая растущую рядом бруснику. Шлепки по воде становились все ближе и ближе, пока из тумана не вынырнул согнутый в три погибели старик, длиннобородый, слепой и весь облепленный тиной. Он подозрительно повел крючковатым носом, даже язык по-змеиному высунул, пробуя воздух на вкус.

– Здрава будь, красна девица, – неожиданно тоненьким, по-комариному писклявым голосом зачастил дедок, – здоров будь, добрый молодец! Уважьте старика, уважьте хозяина, раз на болото мое забрели да бруснику мою пощипали! Разделите со мной хлеб-соль да поговорите о житье-бытье! А то сто лет уж тут один-одинешенек, и словом-то перемолвиться не с кем!

«Так ты, старый, всех кикимор своих болтовней распугал!» – так и рвалось у меня с языка, но я чувствовала – надо молчать. Пока я ему не ответила, болотник нас не чуял, только и мог, что носом из стороны в сторону водить.

Я сжалась, боясь не то что пошевелиться – дышать. Рядом прижался к камню волк, беззвучно скаля клыки.

– Что ж молчите-то, гости дорогие? Али не хотите дедушку порадовать, слово ему доброе молвить? – начал сердиться болотник, громче шлепая перепончатыми лапами. – Ох, что за молодежь пошла грубая, без приглашения приходит, хозяев не уважает! Совсем стыд потеряли!

Его причитания были так похожи на ворчание бабок у подъезда, что я не выдержала и тихонечко фыркнула, сдерживая смех. Тут же прикрыла рот рукой и замерла, но было уже поздно – болотник услышал звук и теперь целеустремленно шел на него.

– Ой, красна девица, краса неписаная! – снова ласково зачастил дедок, ощупывая воздух перед собой неестественно длинными тонкими пальцами, между которыми влажно блестели перепонки. – Сладка ли тебе ягода болотная, по нраву ли черное зеркало вод стоячих?

Я замерла, стараясь даже не дышать, волк припал к земле, еле сдерживая агрессивный рык в глотке. Болотник приближался к нему, еще пара шагов – и рукой заденет уши моего зверя. Я прикрыла глаза, набираясь решимости, и прыгнула в лужу. Всплеск вышел громкий, в вязкой болотной тишине он далеко разнесся над водой. Старичок даже подскочил, поворачиваясь на звук.

Голос его стал вкрадчивым и сладким.

– Что ж ты молчишь, девица, слова доброго жалеешь? Али ты немая?

Теперь болотник тянул руки ко мне, я медленно отступала, стараясь шагать как можно тише. Происходящее напоминало игру в жмурки, которую я нежно любила в детстве, только вот сейчас чуяла, что если меня поймают, то закончится все совсем не весело. Для меня, конечно.

– Не бежала б ты от меня, красна девица, – крихтел болотник, поводя носом, – я ведь жених завидный и богатый, без приданого возьму, осоковой короной увенчаю, ягодами-самочетами осыплю!

Я так опешила, что даже забыла пятиться. Вот же старый хрыч, а все туда же – седина в бороду, бес в ребро! Словно услышав мои мысли, старик продолжил заговаривать мне зубы, подбираясь все ближе и ближе:

– Не смотри, что стар и собой негод, вот народится луна молодая, востророгая, и я мигом помолодею, таким статным молодцем сделаюсь, что и царевичам со мною не сравниться будет!

Я пошарила вокруг себя и, подобрав мелкий камушек, облепленный мхом и тиной, метко запустила его в лоб болотнику, выражая этим все свое отношение к его «заманчивому предложению». На языке так и вертелся колкий и обидный ответ, но приходилось прикусывать губы, чтобы молчать. Я остро осознавала: заговорю и стану беззащитна, болотник меня увидит, и тогда игра в жмурки прекратится.

Волк сообразил, что я пытаюсь отвлечь болотника, и начал остервенело рыть землю – мокрые комья земли разлетались во все стороны и с тихим чавканьем падали в лужицы. Нежить завертелась, забормотала себе под нос и все так же с вытянутыми руками двинулась в обратную сторону. Это было бы смешно, если б не было так страшно.

Очередной грязный камень прилетел старику уже в затылок.

– Дурачить меня вздумали?! – неожиданно гулким басом взревел болотник, увеличиваясь на глазах. И без того рыхлое желтоватое пузо раздулось втрое, скрыв кривые рахитичные

ноги. Рот – вернее, огромная, полная мелких зубов пасть – распахнулся от уха до уха, глаза выпучились и вылезли из орбит.

Тварь обмахнула длинным тошнотворно-сизым языком морду и впилась в меня тяжелым взглядом. «Видит», – похолодев, поняла я.

Игра закончилась, я проиграла.

Значит, можно и высказать все, что на языке вертится. Лишь бы голос от страха дрожать не начал.

– Если хотел нас напугать, – с напускной дерзостью усмехнулась я, – то просчитался! Ты больше похож на уродливую жабу, чем на чудище!

На этот раз болотник не стал снисходить до разговора, а с невиданной ловкостью рванулся ко мне, разевая пасть. Я с визгом отшатнулась, слепо отмахиваясь посохом. Неудачно оступившись, поскользнулась на осклизлом камне и рухнула на спину, выпустив от неожиданности посох и оставшись абсолютно беззащитной.

Позади болотника раздался тонкий, почти собачий визг – это волк, зажмурившись, вцепился в хвост нечисти, короткий и уродливый огузок. То ли хвост был ахиллесовой пятой болотника, то ли просто был безумно ему дорог, но тварь отвлеклась от меня и принялась прыгать по земле, разбрызгивая грязь.

Цепкости моего волка позавидовал бы и клещ.

Я как раз успела вскочить и подобрать посох, примериваясь, как бы поудачней ударить тварь по голове, когда мимо меня свистнула стрела и выбила нежити глаз.

– Вас что, даже на минуту одних оставить нельзя?! – раздраженно рыкнул охотник, держа тварь на прицеле и медленно выбираясь с изменчивой болотной тропки. – Велел же сидеть и ждать! А ты прочь пошел, пока жив!

Болотник клацнул челюстью, но неохотно пополз обратно в болото, кося на нас уцелевшим глазом. Уже у самой кромки бочага волк разжал пасть, одним прыжком вернулся на тропу и принялся остервенело отплевываться.

Охотник ловко снял тетиву и приторочил лук к поясу, не переставая напряженно вглядываться в туман, словно оттуда могло вылезти что-то гораздо более жуткое, чем голодная нечисть.

– Идемте, – напряженно сказал он, не глядя на нас. – Здесь лучше не задерживаться.

Он схватил меня за запястье и потащил обратно по тропе с такой скоростью, что мне приходилось постоянно сбиваться на бег. Когда лес снова посветлел, а под ногами перестало хлюпать, мужчина сбавил скорость.

– Как же угораздило вас с хозяином вод встретиться? – уже спокойнее принялся расспрашивать охотник.

– Он сам к нам вышел, – отозвалась я, с трудом переводя дыхание. – Сначала стариком прикидывался, на ощупь искал. Потом взбесился и в жабу превратился!

– В жабу. – Охотник устало прикрыл глаза, поражаясь то ли моему спокойствию, то ли моей глупости. – Жаба эта может человека махом заглотить, чтоб на илестом дне отрыгнуть и месяцами тело глотать.

Меня передернуло от такой перспективы.

На привал мы остановились на небольшой прогалине у поваленной березы, в корнях которой журчал совсем крошечный ручеек. Я печально рассматривала свой бедный плащ: мокрый и грязный, отяжелевший от болотной жижи, всю дорогу он путался в ногах. Постирать бы его и самой помыться, но где? Да и к воде я долго не захочу приблизиться, слишком уж яркие у меня воспоминания о ее коренных обитателях.

Охотник осторожно извлек из кармана свернутую тряпицу, почти благоговейно развернул ее. Мы с волком мигом склонились над ней, едва не столкнувшись лбами. На клочке небеленого холста лежали десятки мелких невзрачных цветочков, остролистных и звездчатых.

– Вот и трава заветная, – с нежной улыбкой сказал охотник. – Дальше я не помощник – самой тебе придется без железной иглы мешочек зашивать.

Я только в затылке почесала. При всей моей любви к рукоделию, я слабо представляла, что можно сделать. С трудом выдернула из рукава длинную тонкую нитку и попыталась ею стянуть тряпицу в мешочек, но он все разваливался. Приходилось следить, чтобы мелкие цветы не разлетелись.

В очередной раз скрипнув зубами, я подобрала сосновую иглу пожестче. Охотник говорил лишь про железные иголки, про сосновые речи не было. Кое-как закрепив нить, я прошила тряпицу вдоль и поперек, чтобы она не расплзалась в руках. Вышел кривой и косою шарик, размером не больше грецкого ореха. Толстую шерстяную нить я зубами выдрала из подола плаща, на нее и повесила мешочек с травой.

– Вот, даже неплохо вышло, – неуверенно произнесла я, на вытянутых руках самокритично разглядывая свое творение. – Охотник, посмотри! Ты нам сильно помо... ааий!

Судорога скрутила правую руку, на пару секунд я вообще перестала ее чувствовать.

Впрочем, мою оплошность заметить он уже не мог – пока я возилась с амулетом для волка, охотник молча исчез, даже не попрощавшись.

Волк недоверчиво косился на амулет в моих руках, в глазах так и читалось: «Что, я должен буду это носить?!» Но человеком ему быть хотелось сильнее. Зверь покорно подошел ко мне и склонил голову, позволяя завязать шерстяной шнурок на загравке.

Чуда не произошло. Волк сел, неуверенно повел лопатками, но так и остался волком.

– То ли охотник обманщик, как и любая навья тварь, – принялась вслух размышлять я, пытаюсь унять разочарование, – то ли я все испортила, криво сшила... Ладно, делать нечего, пошли дальше.

Волк согласно завилял хвостом.

Пересилив брезгливость и страх, я умылась и напилась из мелкого ручейка, счистила болотистую грязь. Волк терпеливо ждал в стороне от воды, когда мы двинемся дальше.

Тропка петляла и раздваивалась, на всех распустьях я выбирала направление по наитию, шла куда глаза глядят. Волк понуро бежал рядом. Это в сказках только одна дорога, иди по ней и иди, рано или поздно к замку Кощееву выйдешь да невесту свою назад отобьешь. Здесь же дорог было множество, и тропинок, и совсем незаметных стежек – поди угадай, которая в нужном направлении ведет да посреди чащи не обрывается.

Очень не хватало камня с подробной инструкцией: «налево пойдешь – богатство найдешь, направо пойдешь – коня потеряешь, прямо пойдешь – сестру пропавшую отыщешь». От такой подсказки я бы не отказалась! Ноги уже начали гудеть от усталости, руки, раз околоченные, уже не отогревались, а после ночевки на голой земле ныла спина. И это только второй день пути! Страшно представить, что дальше ждет.

Даже с волком я чувствовала себя бесконечно одинокой против огромного, обманчивого и опасного леса, словно встала, мелкая, незаметная, против непонятого и необъятного чудища. И оно наблюдало, то ли с ленцой, то ли с любопытством, как я сама лезу ему в пасть, насаживаюсь на когти-шипы, увязаю в нем, теряю чувство направления, теряю себя.

В тяжелом безветрии тоскливо поскрипывали ветви, шорохи и шепотки тянулись за мной следом или же звучали лишь в моем воображении. Среди редких сухих листьев я иногда замечала мелких птиц, блеклых, потрепанных. Только грудки алыми – окровавленными – пятнами мелькали в ветвях.

Сквозь ажурную крону деревьев пробился золотой закатный луч, больно ударил в глаза. Я остановилась, приглядываясь и прищуриваясь, прикрыла рукой лицо – мне снова почудилось, что впереди какой-то просвет и лес заканчивается.

– Как думаешь, волк, – обратилась я к спутнику, уже не находя сил молчать, – скоро мы выйдем из леса?

– Нет, – ответил мне ломкий хриплый голос. – Яга твер-р-рдила, что лес все Навье цар-р-рство занял, а ему все места мало.

Я медленно обернулась, боясь поверить своим глазам. На земле сидел вытянутый нескладный подросток, укутанный в одежду из серых волчьих шкур, капюшон-пасть скрывал его лицо. Волк... вернее, бывший волк неуверенно откинул капюшон, пригладил включенные жесткие волосы.

– Привет, – неразборчиво буркнул он.

8. Люди добрые, но недобрые

Вот уж не думала, что мой спутник окажется моложе меня самой! Широкоскулый, с узкими миндалевидными глазами, явно монгольского происхождения, юноша выглядел почти ребенком, хотя морщинка между бровями и придавала ему вид серьезный и угрюмый.

Несколько минут мы пристально разглядывали друг друга, немного недоверчиво, словно впервые столкнулись. Волк попытался подняться, но запутался в ногах и шлепнулся обратно на землю. Я присела рядом с ним, чтобы ему не приходилось задира́ть голову.

– Привет, – я старательно изображала дружелюбие, словно заново пыталась приручить дикого зверя. Впрочем, лицемерить не приходилось – я действительно была рада тому, что мой спутник вернул себе тело. – Об имени тебя спрашивать смысла не имеет, верно?

– Верно, – с рычанием выговорил юноша. Язык его плохо слушался, часть звуков он проглатывал, словно забыл уже, как пользоваться человеческой речью.

– Долго же ты пробыл в звериной шкуре, – я сочувственно покачала головой, наблюдая, как он пытается разобраться с непослушными конечностями.

– Долго. Вечность.

Он даже говорил отрывисто, еще до конца не вспомнив, каково это – быть человеком. Хотелось пожалеть его, обнять, погладить по волосам, но я только подала руку и помогла подняться. Волк держался неустойчиво, пошатываясь, пытался по-волчьи сгорбиться. Я понаблюдала за этим делом и вручила ему свой посох. Иначе, чуяла, далеко не уйдем.

Когда волк чуть освоился с человеческим телом и перестал спотыкаться на каждом шагу, я принялась его расспрашивать:

– Почему ты не превратился сразу? Амулет не сработал?

– Работает амулет. Он же только человеческий дух скрывает. Я сам должен был шкуры сбросить, в человека вернуться. Но забыл уже, совсем зверем стал!

Волк потряс головой, словно пытаясь отогнать иное, звериное восприятие мира. Он сам еще толком не доверял амулету, постоянно прислушивался и принюхивался, забыв, что вместе с четырьмя лапами лишился и чуткого обоняния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.